

Калдовские

Миры

ДРАКОНЬЯ ДОЛЯ

НАДЕЖДА КУЗЬМИНА

Надежда Кузьмина

Драконья доля

«Надежда Кузьмина»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузьмина Н. М.

Драконья доля / Н. М. Кузьмина — «Надежда Кузьмина», 2015

ISBN 978-5-699-84596-5

[Если вы родились в тридевятом царстве, это не гарантия того, что ваша жизнь – сказка. Если в жилах течёт часть крови легендарных магических существ, это не значит, что вы сами необычны и особенны. Прадед Шианы был драконом, но сама она – всего лишь крестьянская девчонка, живущая с мачехой и отчимом в деревенской глуши на юге Драконьей Империи. Сможет ли та, кому от рождения «не дано», преодолеть силу тяжести, привычки, предрассудки – и подняться в высоту?](#)

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84596-5

© Кузьмина Н. М., 2015
© Надежда Кузьмина, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Надежда Кузьмина

Драконья доля

© Кузьмина Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Кто я – сорванный ветром лист,
Неприкаянное перекаати-поле?
Ни друзей, ни врагов, ни семьи,
Я не знаю, кто я.
Кто я?*

*Кто ты – медленный сладкий яд?
Обожжёшь? Отогреешь заботой?
Друг мой, враг мой, моя семья,
Я не знаю, кто ты.
Кто ты?*

*Что там? Небо напополам
Поделила черта горизонта.
Мне б взлететь, заглянуть – что там?
Я однажды узнаю, что там.¹*

¹ Стихотворение Юлии Киселёвой, написано для этой книги.

Глава 1

Если вы родились в тридевятом царстве, это ещё не гарантия того, что ваша жизнь – сказка.

Н. Кузьмина

Я разогнула спину, отряхнула руки и оглядела клубничную грядку. Так, половина позади. Выданные сорняки кучками валялись в проходе, годные к посадке усы с воздушными корнями лежали отдельно, прикрытые влажной ветошью.

Солнце нещадно пекло непокрытую голову. Край соснового бора вдали, за некошеным косогором, казался плывущим в тёплом мареве. Жарко... Передохнуть бы... Вот сбежать бы сейчас на озеро, раздеться до рубахи и, шлёпая ногами по зелёной ряске на поверхности воды, зайти по пояс. А потом, не задерживаясь, чтобы пиявок на ноги не нацеплять, поплыть от берега прочь, туда, где из тёмного зеркала плёса торчат цветущие жёлтые кубышки... Лечь на спину, уставиться в небо и смотреть на облака. Вот то – дом с трубой, а это – почти дракон, только одно крыло короче, чем надо... А потом и самой представить, что невесома, что лечу...

– Син, ты что посередь огорода пугалом застыла? – послышался голос Лив с крыльца. – Если устала полоть, так сходи к колодцу, у меня вода кончается.

Согласно кивнув, побежала за коромыслом с ведрами. Воду так и этак нести, так почему не сейчас? А ещё, может, увижу Бора – его дом прямо напротив, и крыльцо, и огород отлично просматриваются от колодца. Пока крутишь колесо, можно поглядеть. Вдруг повезёт? Сейчас время обеденное, вдруг он вернулся домой и отдыхает в теньке на завалинке?

Только выйдя из калитки, сообразила: коромысло с ведрами взяла, на Бора губы раската... а сама-то и впрямь на пугало похожа! Нос опять покраснел на солнце, серая рубаха прилипла к спине, ладони от сорняков все зелёные, юбка старая, с драным подолом. Пугало пугалом и есть! Может, повезёт, и Бор с отцом ещё в поле?

Наша небольшая деревня из четырёх десятков дворов стояла на холмистой равнине южнее Бердена. Место было удачным, здоровым. От сосновых лесов окрест шёл смоляной дух, земля – супесь, как её называл заезжий агроном – отлично родила пшеницу и кукурузу, скоту было, где пастись, а от Запретных гор на востоке нас отделяло целых сто лиг², так что обитавших там тварей мы не боялись. Рассказывали, что однажды невиданно холодной зимой оттуда пришла большая стая горных волков и погрызла половину деревенского скота. Крупные, необычно сообразительные зверюги ночью передружили как кутят всех деревенских псов, а потом добрались и до коров с овцами – запрыгнув на крышу, сдирали когтистыми лапами мох и дранку, которыми принято было крыть в деревне кровли, и через просветы между жердями прыгали вниз, в хлев. После той зимы даже самые ленивые стали делать обрешётку из толстого горбыля, да так, чтоб и кошке с трудом между досками протиснуться. Но то было ещё до моего рождения. А вообще у нас, в Красных Соснах, было тихо... Если сам на гадюку в черничных кустах в лесу не наступишь – до ста лет доживёшь!

Вот моей бабке – Рилее – стукнуло в этом году шестьдесят три. Сморщенная, как сухое яблоко, с руками, похожими на куриные лапы, бабка Рила жила от остальной семьи отдельно, в старой баньке за огородом. Печь там была справная, полати хорошие, стены из толстых брёвен, крыльцо крепкое – отчего бы не жить? Я бы тоже так не отказалась.

Бабка Рила была моей единственной кровной роднёй. Но эта история была так запутана, что в двух словах и не расскажешь...

² Лига – мера длины. Имперская лига равна примерно полутора километрам.

Началось всё аж сорок с лишним лет тому назад, когда молодая ещё девица Рилея поехала с деревенским обозом в Берден на осеннюю ярманку. А на обратном пути забрела на привале в лес – грибы, вишь ли, приглянулись! – заблудилась и отбилась от обоза. Вышла на какую-то незнакомую дорогу, по солнцу сообразила, куда идти... и дошла бы. Да опять решила ум явить, угол срезать – и в результате чуть не сгинула в болоте.

– Провалилась по шею, только руками за ветку держусь... Ну, думала, уж мне конец. А тут он с неба и упал! Подхватил меня со спины и из трясины выдернул! Так рванул, что я оба башмака потеряла. А он засмеялся и к реке отнёс. Я как в воду глянула, так завизжала с перепугу – кикимора-кикиморой! – лицо зелёное, волосы слиплись, одежда вся в грязи болотной чёрной. Он и говорит: «Ты обмойся, я на берегу подожду!» А мне и страшно, и стыдно, и боюсь – вдруг улетит: а кто ж знает, где та река? Зашла в воду по шею, лицо умыла, волосы прополоскала, одежду сняла, а куда её в воде денешь? Отстирала как смогла и стою, что делать дальше, не знаю. Оглянулась – а он с берега на меня смотрит...

В этом месте истории бабка всегда делала паузу. Замолчит, только губами шамкает, улыбается. Что именно вспоминала – мне она никогда не рассказывала. Зато что было дальше – я знала.

Тот дракон, точнее, полудракон, что спас бабушку, отнёс её прямо в деревню. И на том не кончилось. Пошёл к старосте, поговорил, а наутро, как по волшебству – а, может, и впрямь по волшебству, на краю деревни возник наш дом. Такой же, как все остальные. Только построен за одну ночь. Как – непонятно. Мужики до сих пор под шапками затылки чесали, прикидывали, откуда тот залётный дракон брёвна взял, да как их ночью так клал, что никто не слышал.

Но, как-никак, а через год на свет появился мой отец. Такой же черноголовый, как был мой дед. И как я сама. Дед, правда, в деревне не сидел – всё время куда-то улетал. Но всегда возвращался. И, хотя детей у них с Рилеей больше не рождалось, бабку в деревне уважали, а её, как у нас говорят, «хозяйина» – побаивались. И не зря. Именно дед, которого неведомо как сумела позвать на помощь бабка, за день нашёл и перебил всех тех горных волков, сбросив с неба две дюжины трупов с переломанными спинами на деревенскую площадь. Одна из шкур – огромная, иссиня-чёрная, с проседью вдоль хребта – висела на стене в нашей избе до сих пор.

Отец, названный непривычным в деревне именем Шиар, уже был подростком, когда до деревни докатились слухи о войне на востоке. Дед улетел... и больше не вернулся. Оставленных им денег хватило, чтобы Рилея безбедно прожила ещё несколько лет, а потом снарядила выросшего сына на промысел – купила хорошего коня, телегу – отец не хотел копать в земле, всё его куда-то тянуло... Вот он и задумал заняться перевозками – страну посмотреть, постранствовать, денег заработать.

– Скучно ему было тут сидеть, глядеть день за днём, как солнце на востоке встанет, да на западе сядет... А какая у него улыбка была... Краше нет, весь в отца! Я думала, он на дочке старосты женится, остепенится, внуков мне полон дом нарожает. Та на него так смотрела...

«Та» – это живущая на другом краю деревни младшая дочка прежнего старосты тётка Павлинка, весом в пять пудов и с полудюжиной отпрысков. Хотя мне она нравилась. И я ей тоже. Часто, когда не видел дядька Фролт, её сердитый муж, Павлинка совала мне то кусок пирога с капустой, то истекающий мёдом обломок пчелиных сот. Наверное, я и впрямь, как говорили, была похожа на отца...

Затея с извозом принесла неожиданные плоды. Из второй своей ходки отец привёз маму – совсем непохожую на деревенских женщин девушку со светлыми волосами и тонкими руками.

– Красивая она была, – вздыхала бабка Рила, – да только чем сын думал, когда её в деревню волок? Она ведро с водой поднимет – вся на сторону скособочится. А заставь такую косить или бороновать – так помрёт сразу. Видать же, тонкая городская кость! Шиар говорил, Лиала из купеческой семьи, что ж, мож так и есть... Только ей нелегко тут пришлось. Хотя мы с ней хорошо ладили...

Я родилась спустя пять лет. А ещё через три года отец решил, что извоз, хоть деньги и даёт, да слишком мало. А вот он слышал, в Бердене старатели рассказывали, что в Запретных горах, если место найти, изумруды да лунные камни под ногами как галька валяются! Мама со слезами на глазах умоляла его не ходить... да куда там. Ещё и сердился: пойду да пойду, для тебя, мол, стараюсь, а ты не ценишь.

Так и ушёл. И сгинул.

Ещё три года Рилея, Лиала и маленькая я оставались втроём, тянули на остаток денег, что оставил отец, выживали и ждали... А потом к нам пришёл староста Ениф и сказал, что непорядок это – околица падает, наше поле всё пыреем да репейником заросло, дом на угол проседать начал. И велел Лиале искать мужа – на такое готовое хозяйство да молодую симпатичную хозяйку желающих немало найдётся. К нему, мол, уже трое приходили, справлялись...

Через полгода у меня появился новый отец – Ортей. Крепкий, с короткой русой бородой, серыми прищуренными глазами, он быстро наладил хозяйство. В хлеву снова замычала корова, мы с матерью ползали на четвереньках по возрождённому огороду – пололи, рыхлили, выдирали вездесущую мокрицу, бабка Рилея хлопотала у печи – вся работа по дому легла на её плечи. А ещё год спустя мама Лиала умерла родами – неправильно лежащий в животе братик погиб сам и убил её. Может статься, и удалось бы что-то сделать, как-то подсобить, спасти их, но отчим был на дальнем покосе, а бабка Рила помочь не смогла, хоть и пыталась.

А к следующей зиме в доме появилась Лив. То есть Ливая. Темноволосая, с крепкими руками и грудью, уверенной поступью, широкой улыбкой. Я очень скучала по маме, и Лив поняла – меня не ругала и не торопила. Поручала мелкие дела, помогала, если я не справлялась, научила прясть и вязать. Рукодельница, она умела даже стричь овец и плести из тонкой шерсти кружевные шали. И готовила небывалой вкусноты наваристые борщи с пряными травами. И в избе было всегда чисто – пол выметен, стол выскоблен.

Правда, когда через год родились двойняшки – Милёна да Белёна, – жить стало труднее. Сестрички орали, как резаные. То газы мучили, то зубы резались. Я, как самая в семье бесполезная, отвечала за то, чтобы остальные могли выспаться. И не спала сама. Вот тогда-то бабка Рилея и попросилась в баньку. Сначала отчим возражал, мол, баня для другого нужна, но тут бабка показала норы: напомнила, что и изба, и поле – это всё досталось от её дракона. И бумага о том есть. Так что банька для старухи – наименьшее, что Ортей может сделать. Уж если пришёл почти на готовое, пусть хоть другую баню сам себе построит! Лес рядом, за брёвна платить не надо. Найми одного-двух помощников, за пару недель управисься!

Скандалили два дня, а не разговаривали ещё почти год.

А у меня появилось место, где можно посидеть спокойно. Бабка Рила, которой я относилась еду три раза в день, смотрела на меня подолгу, качала грустно головой:

– Эх, Шини, в отца ты пошла. И волосом, и лицом... Хоть бы судьба у тебя по-другому сложилась...

А мне нравилось слушать рассказы про деда. Очень хотелось понять – как это, быть драконом? Как летать по небу? Колдовать? Может, и во мне есть эта сила?

Увы, Рила помнила мало. Морщила лоб, пожимала плечами.

– Он иногда сядет у стенки, скрестив ноги, и сидит так час, два... Называл это метировать. Или медировать? Прости, детка, не помню, и какой толк в этом медировать – мне неизвестно.

Я попыталась прояснить это сама, при всяком удобном случае усаживаясь, скрестив ноги, но только нарвалась на отповедь отчима. Тот сначала поинтересовался, что за странности, потом посмеялся, сказав, что чем бы ни занимался дед, а во мне драконья часть слишком мала, чтоб вышел толк. И, наконец, запретил так садиться. Потому что если эдак выкаблучиваться – ноги станут кривыми, а кривоногую девку никто замуж не возьмёт.

Я ещё и девкой-то не была, но кривых ног всяко не хотела. Впрочем, насчёт замужества тоже не была уверена – вспоминая стоны умиравшей матери и глядя на то, как переваливается Лив с огромным животом – она как раз в ту пору носила четвёртого, – острого желания найти половинку своего сердца, как пелось в песнях, почему-то не возникало.

До тех пор, пока однажды, пойдя за водой к колодцу, я не увидела, как Бор колет у крыльца дрова. Я даже не поняла, что застыла, плясь на раздетого до пояса светловолосого парня, пока меня не пихнули кулаком в спину.

– Син, чего встала, тропинку перегородила? Ты за водой или как? – голос хохотушки Тиры вырвал меня из столбняка.

Я покраснела до макушки и заторопилась к колодцу.

Вот только сам Бор на меня никакого внимания не обращал... Да и понятно. Чёрная, как головёшка, жилистая, а не фигуристая, да с придурью – всё в небо пялится, ворон считает. Во всяком случае, в глазах Ортея я выглядела именно такой.

А ещё я подслушала разговор отчима с Лив. Та уговаривала его не трогать меня ещё хотя бы пару лет – все же знают, что дети с долей драконьей крови развиваются дольше! А тот смеялся, что зато драконята – двужилые. И, мол, ничего, справлюсь. А вот выдать меня замуж, да лучше в другую деревню, надо поскорее – пока в разум не вошла да не вспомнила, что из кровных родичей первого хозяина одна осталась. А то начну долю в приданое требовать, а какая тут доля, когда у самих дочери, причём Милка и Белка – почти на выданье, да сын подрастает?

Как бы то ни было, с того разговора прошло больше года, а меня никто пока не беспокоил. А сама я очень усердно поливала огород, чтобы иметь повод почаще бегать к колодцу. Впрочем, толку от этого не было никакого – только душу травить.

Зато подросла я уже настолько, что стала ходить на девчачьи вечеринки и посиделки. Хорошо! Вроде рукодельничаем – с мотками шерсти, спицами или крючками, сидим в светлой горнице, как бы вяжем. А на деле – хихикаем, да обсуждаем, кто за кого по осени, как в деревню приедет на пару дней священник храма из Бердена, замуж пойдёт. А снаружи в окна парни заглядывают. Или вырезанные из тыкв страшные рожи на палках суют, чтобы мы визжали. Весело!

Пока вспоминала, почти дошла до колодца. Ой, в доме Бора занавеска шевельнулась. Интересно, кто там?

– Син! Да что ж за место заколдованное! Который раз вижу, что ты идёшь-идёшь и вдруг раз – столбом застыла! – смех Тиры прервал воспоминания.

Подружка подбоченилась, прищурилась, уставилась пристально:

– Или не в тропинке дело?

Я замотала головой и, повернувшись, гремя вёдрами, припустила к срубам впереди.

– Угадала! – раздалось сзади.

Ну вот, к вечеру вся деревня будет знать, что я сохну по Бору...

Знала бы, чем обернётся моя рассеянность... Но разве могла я предположить, что Ортей, до которого тоже докатились слухи, что падчерица влюбилась, поступит так? Я-то, наоборот, смутно надеялась, что отчим захочет помочь, сходит, потолкует с отцом Бора, как заведено. Что я надена вышитую красной нитью белую рубаху, которая уже три года лежала в моём сундуке для приданого, голубые бусы, оставшиеся от мамы, хорошую синюю полотняную юбку с поясом-шнуром, украшенным кистями, и нас с Бором оставят в избе вдвоём – поговорить. Вдруг всё б и сладилось? Ведь вот же она, возможность мирно уйти из дома... и бабушка была бы рядом...

Да только либо Ортей знал, что шансов у меня нет, либо полагал, что отец Бора кусок поля за мной потребует, и всё вышло совсем не так. Отчим уехал. На целых два дня. А вернулся не один, а с незнакомым мужиком своего возраста. Тот сразу мне не понравился – почти квадратный, какой-то злой, и борода длинная, как у козла. И всё шурился на меня, пока я помогала коня распрягать.

А после ужина отчим позвал меня в горницу, где за столом, с бутылкой первача, сидел с тем самым дядькой.

– Вот, Син, знакомься. Это Гар из Соснового Дола, твой жених. Хозяйство у него не хуже нашего, дом большой. Будешь женой и хозяйкой! По осени – мы уж договорились – играем свадьбу.

Я в ужасе уставилась на сивобородого.

Тот поднялся со скамьи, шагнул ко мне:

– Пусть рот раскроет – зубы посмотреть хочу. – Уставился тяжёлым взглядом прямо в глаза: – Слышала, что я сказал? Ну?!

Обернулась к отчиму, ища поддержки, но тот только кивнул.

– Муж – глава дома и твой хозяин. И перечить ему не вздумай – хуже себе сделаешь! Давай, разевай рот! Что, убудет тебя, что ли? Сама понимаешь, приданого у тебя нет, а держать тебя тут век, как твою бабку, никто не станет.

Хотела было возразить, сказать, что это мой дед, а не он, построил этот дом, раскорчевал наше поле... уставилась в твёрдый прищур серых глаз – и осеклась, проглотив всё, что вертелось на языке.

– И не реви! Мужчины бабьих слёз не любят! Радуйся, что семью отблагодаришь – Гар тебя без приданого берёт. Только сундук с собой и возьмишь.

Я покорно кивнула. Мыслей не было, остались только паника пополам с отчаяньем... как, как же это? Мне нет шестнадцати, а этому сколько? Сорок, сорок пять? Псивая борода, запах сивухи пополам с чем-то кислым... А как же бабушка? И Бор?

– Я не пойду!

– А кто тебя спрашивает? Ну-ка, юбку выше колен подними – ноги посмотреть хочу – не кривые?

Всхлипнув, кинулась вон из горницы... и помчалась через огород в баньку, к бабушке, плакать.

– Беги, беги... только на ночь коня не забудь напоить! – донёсся хохот отчима вслед.

– Шини, я тебя защитить не смогу. Сама видишь, как я в последнее время сдала, по утрам еле встаю. Как, говоришь, его имя – Гар? С козлиной бородой? – Бабушка обняла мои вздрагивающие плечи. – Ох, детка... Боюсь, плохо дело. Слышала я про такого. Хозяйство там и вправду справное, вот только на погосте уже две его жены лежат. Не надо тебе туда, ой, не надо... сын меня не простит, если тебя к этому душегубу отпущу... Слушай-ка внимательно. Когда пришёл Ортей, был у нас разговор, и обещала я ему, что голову пустым тебе туманить не буду. Но сейчас слово нарушу. – Рила перешла на тихий шёпот, будто боялась, что кто-то нас может услышать. – Смотри, детка. Твой дед был полудраконом. В тебе от него осьмушка крови – выходит, крыльев тебе не видать никак. И серьёзной магии тоже. Но Лиала, умирая, сказала мне, что в ней тоже немного, но драконьей крови есть. Сколько – не спрашивай, не скажу. Но, если, как у тебя, дракон у неё был в прадедах, то тебе ещё частичка досталась. Пусть маленькая... но получается уже не восьмая, а почти пятая часть – может, хоть для чего-то хватит? А за Гара не ходи – через год окажешься на погосте. Эх, Ортей, Ортей... не ждала я от него такого... совсем жадность мужику глаза пеленой застила... Нельзя так. – Вздохнула: – Ещё запомни: за поленницей второе бревно снизу наращено обрубком. Вот его можно вынуть. А там бумаги на дом и поле. Пригодится тебе это или нет – не знаю. Обещала я их перед смертью

Ортею отдать, но раз так – не видать их ему! И, на, деточка, – подняла руки, закричала, – ну-ка, сними с моей шеи цепочку, у меня пальцы не гнутся. Мой Таршидд, как дарил, говорил, что она драконью удачу приносит. А больше, прости, мне тебе дать нечего. Только совет: будь умной, мысли скрывай. Сделай вид, что смирилась. И помни, времени у тебя – до осени. Но лучше с решением не тянуть.

С Ортеем бабушка тоже ругаться не стала. Просто пришла в дом, когда все сидели за ужином, посмотрела на отчима и сказала:

– Дурак ты неблагодарный! Шини своей драконьей удачей весь дом берегла! Вспомни, как два года назад пал с поля пошёл, а как к нашему хлеву огонь подступил, с неба ливень хлынул! А овцы твои в последний раз когда болели? А на поле хоть раз чёрный жук или саранча налетали? У всех – жрут, а мы – как зачарованные! А сейчас ты всё это от своей слепой жадности другому отдаёшь! Эх! – хотела плюнуть под ноги, но взглянула на расстроенную Лив, повернулась и хлопнула дверью.

Я кинулась было проводить – стемнело же, а она и днём плохо видит! Но окрик: «Син, сидеть!» – остановил. Потом, как доели, как убрали, перемыли и перетёрли посуду, уложили малышей спать, – побежала к бабушке. И не зря беспокоилась. Баба Рила лежала прямо у своего крыльца – нога подвернулась на камне и, мало того, падая, бабушка ударилась головой о ступеньку.

К утру бабушка умерла.

Ортей вместе со мной сидел рядом с её кроватью. Наверное, ждал, не придёт ли Рилея напоследок в себя. Я слышала, как, уходя, он недовольно пробормотал что-то о бумагах.

На похоронах плакали двое – я и Лив. Бабушка легла рядом с мамой, под свежий дёрн. Я было попросилась перебраться на её место, в баньку, но Ортей запретил. Жаль, оттуда сбежать было бы проще. Потому что я решила, что из деревни уйду.

Была мысль взять бумаги, пойти к Бору, сказать, что у меня есть приданое. Потом с женихом и его родней сходить к старосте... Может, что-то бы и вышло. Но поступить так с Лив и маленькими сёстрами я не могла. Не по-человечески это. И не по-дра коньи.

Да и понимала, что Бор на меня и не смотрит. Не нужна я ему. А женится на приданом – счастья нам не видать.

Значит, мой путь иной. Вот только какой? Я ж за свои почти шестнадцать из деревни дальше, чем на дальний покос сено ворошить или за грибами в лес, и носу не казала. Куда идти-то? И как?

Решила просто – пока время есть, буду сушить сухари и думать.

Глава 2

Трудность жизни: даже глупость надо сначала сделать.

С. Лец

– Лив, говорят, у Гара две жены умерли, – решила я всё же поделиться страхами с мачехой.

Та вздохнула:

– Может, тебе и повезёт. Всяко бывает... Ты только на Ортея зла не держи. Он добрый, просто жизнь сложная.

Понятно, союзницу я в ней не найду. Муж да свои дети ближе, чем я, ни на кого не похожая. Кивнула, скрывая слезы:

– Может, повезёт...

После смерти бабушки во мне что-то изменилось – то ли сломалось, то ли, наоборот, выросло, как ядовитая песчаная колючка. Расхотелось смеяться. Да и на людей я теперь смотрела по-иному. Вот ведь – вся деревня знает, оказывается, что за сволочь двух жён заездивший и забивший Гар. Да ещё рассказывают, что двое или трое отказали ему в сватовстве – дочерей пожалели.

Но никто, ни один, не подошёл к моему отчиму и не сказал: «Ортей, окстись! Что ж ты с девкой делаешь? Ты ж обещал матери и бабке о ней заботиться, как о родной!»

Никто не отвернулся, никто не перестал здороваться. Меня – жалели. А с ним вели себя, как прежде.

Я решила, что если бабушка Рила права и была у меня хоть капля драконьего счастья, то унесу его с собой. Я им не нужна. Шестнадцать лет я таскала воду, пилила и колола дрова, ухаживала за скотиной, поливала огород... и оказалась чужой. Что ж, пусть так. Но пусть без меня – эта мысль была приятна – живут, как все. И с пожарами, если уж горит, и с саранчой, если та прилетела.

Сама я разыскала в кладовке старую котомку с двумя широкими лямками. Починила. Потихоньку, чтобы убывь была незаметна, таскала по ломтю-другому каждый день хлеб. Сушила и прятала. Собирала на кустах шиповник – и тоже сушила и прятала. Причем с местом для схрона ещё пришлось помучиться – сложно найти укромный угол, когда по дому шустрит любопытная ребятня. Ведь увидят – расскажут батьке с мамкой. Даже не со зла, просто по малолетству...

Прятала всё в хлеву под стрехой. Малышня бы туда пока не долезла, а взрослые сунуться бы не догадались. А поскольку утренняя дойка двух наших коров была на мне, а в пять утра остальные обычно ещё спали, дела складывались неплохо.

К началу августа я собрала всё, что задумала: мешок сухарей, соль, носки и штаны, плащ и чайник, пару ложек и хороший – оставшийся от деда – большой нож с чёрной костяной рукоятью. Непонятным оставалось одно – куда идти?

На севере – Берден. До него пешком я дошла бы дней за пять. Но если меня начнут искать – то в первую очередь именно там. На востоке тоже делать нечего – в Запретные горы я не ходок. На юге начинаются леса. Но вроде бы за ними проходил большой караванный путь, и где-то там был другой большой город – Зинар. Только про караванщиков рассказывали всякое. Что часть из них и не из Империи вовсе, а пришли к нам из земель зарифов. А у тех, говорят, торгуют всем, даже людьми. И слова своего зарифы не держат.

Выходило, что остаётся только запад. Где-то там есть город Марен-Кар, а за ним, если идти и идти на закат, начинаются земли эльфов. Правда, поговаривали, что людей туда не пускают. Но я почему-то не верила... И потом, мне же много не надо?

А сколько туда добираться? Не знаю...

Пока складывала вещи, раздумывала: надо ли брать бумаги, о которых рассказывала бабушка? Всё же рассудила, что не стоит. Я успела проверить поленницу, нашла нужный обрубок, нашарила там какой-то мешок. Похоже, пропитанный воском. И решила, что ничего с ним не станется – пусть себе лежит.

Ещё одной ценностью была оставшаяся от матери книга. Тяжёлая. С картинками зверей, городов, кораблей. Мама успела научить меня различать буквы. А читать уже не получалось. Знакомые слова из трёх-четырёх букв складывались, а если длиннее, я терялась и путалась, не могла разобрать, что написано. После смерти матери отчим книгу спрятал в буфет и запер. В принципе я знала, где искать ключ. Но надо ли её брать? Наверное, как ни жаль, тоже нет – потому что тяжёлая и сырости боится.

Зато сообразила, что забыла: трут с огнивом, а ведь без них в лесу никак!

А ещё захотелось напоследок сходить к колодцу – хоть мельком взглянуть на Бора. Хотя зачем? Мне уже рассказали, что, услышав о сватовстве Гара, парень только пожал плечами. Мол, а мне что за разница? Вдобавок у колодца наверняка будут подруги. Которые станут шептаться за спиной, смотреть на меня с жалостью и любопытством... Эх-х...

Вечером еле дождалась, когда можно будет уйти в свой угол. Ортей как что-то почуял, весь день на меня косился и теребил пятернёй бороду. А после ужина Лив тоже спросила, что случилось? Я додумалась сказать, что женские дела подошли раньше времени, и живот болит – мочи терпеть нет. Лив кивнула, сказала, что сама вытрет вымытые миски, и отпустила меня спать. Стало жутко неудобно – она добрая, а я её обманываю...

Сгорбившись, прошла мимо отчима. Тот вопросительно взглянул на жену, что-то понял, кивнул.

Может, если бы Лив меня пожалела чуть сильнее и предложила помочь утром с коровами, я бы и раздумала. Попробовала ещё раз поговорить... Но она промолчала. А я натянула на уши лоскутное одеяло и стала ждать восхода луны.

* * *

Не знаю, было ли у меня на самом деле то драконье везение, о котором говорила бабушка, но кое-что мне точно досталось. Я никогда не простужалась, а ещё хорошо – почти как кошка – видела в темноте. На это сейчас и рассчитывала.

Уходя, заглянула напоследок на кухню – стянула пару варёных картофелин из таганка, посыпала их солью, и сейчас, выйдя за околицу, начала есть. Мне предстояло пересечь большое поле, дойти до безымянного ручья ближе к лесу, перебраться по мостку из пары брёвнышек на другой берег. Там начинались вырубки, а за ними подступал бор. На пару лиг вглубь я забиралась – а вот дальше не была никогда...

Интересно, когда поутру замычат недоенные коровы и обнаружится, что я пропала – станут ли меня искать? Казалось бы, смысла нет. Ведь что замуж за того козла, что добровольно в лес – для отчима главным было от меня избавиться. Имелось только одно «но» – уж очень Ортей не любил, когда ему перечили. А я сейчас точно поперёк воли пошла...

Пока прикидывала так да эдак, добралась до ручья. Вышла почти к самым брёвнам. Подумала-подумала... Потом сняла башмаки. Стянула штаны. Хлопнула по ляжке, в которую немедленно впился голодный комар. И потрусила вдоль берега, в поисках спуска поудобнее. Съехала, чуть не потеряв котомку, в прибрежную тину. Выругалась. Кое-как выбралась на

середину мелкого ручья. А потом двинулась дальше, вверх по течению. Бурча под нос и пытаясь отмахиваться от комаров, которых вокруг меня вилось уже целое облако. Дно под ногами было песчаным, с редкими камнями. Берега казались чёрными. А мои шаги, шлёпанье по воде – слишком громкими. А ещё мнилось, мерещилось, чудилось – что кто-то смотрит в спину из темноты. Вот сейчас отвернусь – а он как прыгнет! Страшно, очень страшно... Может, пока не случилось беды, вернуться? Сейчас часа три пополуночи, добегу, спрячусь в хлеву на сеновале, утром подою коров – никто и не заметит, что куда-то уходила.

Ох, так хочется... С тоской поглядела на восток.

Вот только что потом? Толпа пьяных чужих мужиков и баб, провожающих меня в горищу вместе с противным сивобородым? Я же уже поняла, что тот будет бить. Не потому, что не слушаешься, не потому, что надо, а потому, что ему это нравится. Унижать, видеть страх, даже ужас... Да лучше пусть меня звери в лесу сожрут, чем такое!

Примерившись, обнаружила, что если не поднимать ноги слишком высоко, плеска меньше. Только вода не по-летнему холодная, ступни стынут.

Поднимаясь по течению, я искала две вещи – бревно, для того чтобы удобно подняться на берег, и кусты пижмы, о которой мне стоило бы вспомнить раньше. Листья похожего на яичницу-глазунью сорняка, растёртые в ладонях, давали терпкий запах, отлично отгонявший гнус. Да и собак со следа такое сбить поможет, если отчим всё же вздумает меня искать...

Шлёпала я вдоль ручья ещё долго. Хорошо, что нашла пижму – характерный силуэт с плоскими соцветиями на фоне подсвеченного лунной неба обнаружился прямо на берегу – я даже из воды не вылезала. Натёрла ладони, руки, ноги, пострадавшую от комаров шею. Гнус продолжал виться вокруг, но не садился. И ладно. А то б ещё немного, и я сама сидеть бы завтра не смогла. И так уже и бёдра, и зад чесались нестерпимо. Наконец я углядела подходящее пологое бревно. Потрогала. Вроде несколько, кора ещё не сгнила. Вылезла из воды, отряхнулась. Натянула портки. А потом надела не те башмаки, в которых ушла из дома, а другие – осенние – сапоги. Вот так! Теперь ищите меня!

Выбралась на берег, и, аккуратно ставя ноги, – старых корней от невыкорчеванных пней тут было полно – пошла к темневшему впереди лесу. Оглянулась на ручей, поле за ним, ряд тёмных крыш... закусила губу и зашагала на запад.

Ушла я недалеко – оступившись среди папоротников, скатилась в овраг. Больно стукнулась спиной о валун на дне. Да ещё обронила котомку. И чуть не заплакала. Что ж я такая бестолковая? Как её теперь искать? Тут, под кронами деревьев, в этой промоине даже я ничего не вижу. Надо ж руками шарить! А если на змею наткнёшься? Стиснула под рубашкой в кулак бабушкину цепочку – вдруг поможет? Так, откуда я свалилась, как бы понять? Луна светила мне в спину. Выходит, вот оттуда. И на дне ничего не растёт. То есть, если мешок не зацепился за корень или камень, одно из тёмных пятен поблизости – это он. Только лунный свет так обманчив...

Ползала я, наверное, целый час. Перемазалась в грязи по уши. И когда уже почти сдалась и решила ждать утра, рука наткнулась на ткань. От облегчения чуть не зарыдала. А потом пришла мысль: какая же я дура! Вот что бы мне сразу, как упала, лечь спать до рассвета. А утром я б котомку сразу, без этих мук увидела. И чистой осталась, и выпалась бы!

Ладно, что теперь плакать. Сейчас бы подняться на западный склон да притулиться под корнями – подремать хоть немного.

* * *

Проснулась утром. С затёкшими ногами и больной спиной. Зато мешок был рядом. Солнце только-только встало, пронизанный косыми золотистыми лучами утренний лес был

свеж и влажен. Кое-как размявшись, достала гребень. Косу решила не расплетать, но вычесать из головы сосновые иголки хотелось нестерпимо. А ещё – пить. Вот, ещё одна моя глупость. Могла бы взять с собой флягу... а у меня только старый чайник. И что я с ним буду делать?

Выходило, что собиралась я, собиралась... да толком не собралась.

И, если наткнусь по пути на деревню или хутор, нужно посмотреть на хозяев. Если люди покажутся добрыми, предложить поработать взамен чего-то из того, что мне потребно. Например – снова захотелось стукнуть себя ладонью по лбу – у меня же совсем нет денег! Ни монеты! А ведь мама рассказывала, что при входе в города с прохожих и приезжих спрашивают деньги. Называется пошлина.

Хотя в деньгах я не понимала ровным счетом ничего. Ибо никогда их в руках не держала.

Закинув на плечо мешок, повернулась к солнцу спиной и пошла куда глаза глядят. Странное выражение. Разве можно идти туда, куда они не глядят? Чуднее только «куда ноги несут». Как будто кто-то на руках ходит. Хотя некоторые девки – грустно вздохнула – умудряются ходить без головы.

Наверное, сейчас дома уже обнаружили, что я пропала. Невольно ускорила шаг – несмотря на ночной страх, падение в овраг, на то, что шла неведомо куда, возвращаться я не хотела. Достаточно было вспомнить злые глаза того сивобородого.

Через час поняла, что проголодалась. Достала один подсоленный сухарь, начала сосать на ходу. Съела б и больше, да побоялась. Потому что непонятно, как кормиться, когда припасы подойдут к концу. Ягоды – поздняя малина да костяника под ногами – это баловство, а не еда.

К полудню мне повезло – я вышла в широкую лощину, заросшую кустами лещины. Сами орехи пока не созрели, были, как говорят, восковой спелости, в ещё зеленоватых скорлупках. Но ядрышки оказались вполне ничего – крупными и съедобными. Остановилась, только набив мешок орехами под завязку. А напоследок вырезала себе хороший дорожный посох – прямые стволы лещины для такого как раз отлично годятся: с одной стороны – палка, с другой – рогатина. Сподручно и ветку приподнять, и змею к земле прижать, и на развилку котомку повесить.

Попадались грибы. На сыроежки я внимания не обращала, а вот найдя выводок крепких чистых боровиков – задумалась, что бы с ними сделать? Еда хорошая... только как их готовить, если нет ничего, кроме чайника? Выходило, что или нужно сушить порезанные грибы на жарком солнце, или, да, варить в чайнике. Эх, я растяпа...

К вечеру поняла, что убрела неведомо куда. И успокоилась – теперь от меня ничего не зависело – я так плутала, что назад к Красным Соснам мне вряд ли выйти. Значит, пойду вперёд.

Ближе к закату я выбралась на берег широкой, текущей с юга на север реки. Ох! Мне ж надо на тот берег. А как? Страшно. Ведь ясно – течёт на север, значит, впадает в топи у Тихого озера. А там твари водятся похуже зверья из Запретных гор. Коркодилы. Такие зубастые, на коротких лапах. А плавают быстро. Прикинутся бревном, а сами – хват! Вдруг тут такие есть? К концу лета река обмелела, но всё равно придётся плыть. Как-то не хочется.

Рассудив, что в топиях у Тихого озера я точно ничего не теряла, повернулась на юг и пошла вдоль берега, разглядывая полосу у воды: если тут есть коркодилы, наверное, должны быть и коркодиловы следы? Пока шла, подобрала на мелководье десятка полтора крупных устриц. Вечером разведу костёр из плавника, попробую испечь.

Наконец, заметив в песчаном обрыве большую промоину под корнями, решила, что пришла – тут и заночую. Может, сегодня выплусь...

Устриц я успела испечь до того, как село солнце. На вкус они показались странными и даже неприятными, но привередничать не приходилось. Еда – она и есть еда. Охотник из меня никакой, разве что попаду в козу с десяти шагов камнем, а сухарями сыт не будешь.

Умылась, вскипятила воду в чайнике, напилась. И полезла наверх, туда, где под корнями большой сосны на обрыве темнела дыра. Вроде глубокая – не вывалюсь.

Хорошо, что не улеглась спать на берегу. Потому что проснулась в темноте от того, что на реке кто-то фыркал и плескался. Большой. Страшно. Замерев, сжала в кулаке рукоять ножа и долго лежала, вглядываясь в темноту. Наконец, когда по реке уже пополз предрассветный туман, фыркание прекратилось. Шлёпнуло по воде в последний раз и стихло...

Меня разбудило пение. Полдюжины мужских голосов горланили что-то разудалое про Фросю из обоза, а ещё один резко выкрикивал: «Раз-два! Раз-два!» Захлопала слезящимися после сна глазами на сверкающую под утренним солнцем гладь реки – из-за поворота вниз по течению шла лодка с гребцами. Раз-два, раз-два!

Ох! И что делать? А не знаю. Может, если б они плыли на юг, я б и вылезла... но это или промысловики, или купцы, плывущие вниз, к озеру. И ни одной женщины в лодке не видать. Значит, и мне там не место. Меня с воды – против солнца – если сама не поднимусь, да руками махать не стану – не разглядеть. Натянула бурый плащ на голову и замерла, глядя в щель на проплывающую лодку.

Вдруг один из гребцов вскочил, заорал: «Багор, мать твою, багор!» – а потом ткнул остриём в воду у борта. Вода плеснула, лодку сильно качнуло. Парень разочарованно развёл руками. В кого ж он метил, что этот кто-то чуть судёнышко не перевернул? Ох, точно я тут не поплыву!

Когда лодка скрылась из виду, осторожно спустилась на берег. Умылась, набрала в свой чайник с заткнутым носиком – чтоб не расплескать содержимое – воды и полезла на обрыв. Если здесь плавают, да сплошь мужики, нечего мне на открытом берегу топтаться. Чего можно, а чего нельзя – я и от бабки, и от девчонок сто раз слышала, и нарываться сама не собиралась.

Но выходило, что где-то выше по течению есть то ли село, то ли деревня. И, почти наверняка, дорога с мостом. Ведь лодка откуда-то приплыла? Не в лесу они такую строили? Здоровенную, на кучу народа, красно-синюю, с мачтой и с намалёванным глазом на носу. Значит, где-то есть для этой лодки и пристань.

До моста я дошла за три дня. По пути собирала грибы с ягодами и, главное, думала. Раньше мне никогда не приходилось столько думать. Всё было просто: утром поднялся, крутишься-крутишься до вечера, вечером погуляла-похихикала с подругами – и спать пора. И так изо дня в день.

Додумалась я до того, что нужно разыскать знающего мага. Говорят, те, посмотрев на человека, сразу видят, кем были его предки. Наверняка они могут поглядеть и определить – сколько во мне драконьей крови? Хотя, надо думать, мало. Иначе бы это как-то, да уже произошло... Хотя откуда мне знать, как?

Ну, вот вижу я в сумраке почти как днём. Это драконье или нет?

Болею очень редко. Как-то зимой по пояс в ручей провалилась, пока выбралась да до дома добежала – вся заледенела... а потом только чуть-чуть покашляла – и всё. Это как, нормально?

Работать много могу. Ну так и лошади пахут.

И, кстати о лошадях и коровах, – с ними я всегда ладила. И это – бабушка рассказала – точно от драконов. У тех над зверями власть.

Волосы жёсткие, чёрные, выются крупными непокорными кольцами. А у драконов как?

Глаза зелёные, как трава. Но такие не только у меня одной...

Не понять.

Но летать по небу и колдовать я точно не умею. А так бы хотелось...

Пока шла да прикидывала, что да как, и добралась до пустынной дороги. Ждать не стала – ведь решила уже, куда иду – и трусцой, как могла быстро, перебежала на другой берег.

Вот теперь всё. Меня точно и не найдут, и не догонят.

Но и я одна на белом свете – ни кола, ни двора, ни родственников.

И что дальше делать?

Глава 3

Есть одна только врождённая ошибка – это убеждение, будто мы рождены для счастья.

А. Шопенгауэр

Спрятавшись в придорожных кустах, я смотрела, как мимо ползёт обоз с сеном. Вozy высокие, сено свежее, хорошее – наверное, на продажу. С покосов мужики возят сено вразнобой. А тут шесть телег одна за другой. Неспроста.

И вряд ли они за триста лиг сено потащат – не те деньги, чтоб столько времени терять. Выходит – впереди, не так далеко, есть город или большое село.

И это хорошо – век бродить по дорогам и зимовать в лесу я, как ни крути, не смогу. Вот только кому я нужна в городе, если ничего, кроме как корову доить да картошку варить, не умею?

Ладно, пойду потихоньку, а там соображу. Как говорила бабушка Рила: «Руки есть, ноги есть, хребет крепкий, голова на месте – а остальное приложится!»

Повозки ехали только чуть быстрее, чем я шла. И вечером, уже высматривая ночлег, я едва не наткнулась на их стоянку. Выручило то, что дымком потянуло прежде, чем я увидела их или они меня.

Я была с подветренной стороны. Возник соблазн подкрасться потихоньку, послушать – о чём говорят сидящие на брёвнах с мисками в руках мужики? Надо ж узнать, куда едут и вообще, что это за дорога? Куда она ведёт-то? Да только не успела подойти ближе, как от костра донёсся взрыв хохота и чей-то голос: «Он юбку ей задрал – смотрит – а это мужик!» И снова хохот...

Стало жутко неудобно. Ортей, хоть ангелом и не был, таких разговоров вести не позволял – Милку с Белкой берёг, всё у нас всегда было чинно да благопристойно. А тут... смачная похабщина пополам с гоготом, что доносились от костра, заставила покраснеть и кинуться назад, в лес.

Как я буду жить одна?

Обошла стоянку по широкой дуге и шагала вдоль дороги, пока солнце почти не село.

Ночевать я уже приспособилась – натёрла от гнуса пижмой лицо, шею и руки. Выбрала дерево с удобными корнями, нарубила кинжалом молодых сосновых веток, положила в изголовье котомку, закуталась в плащ и легла, не снимая сапог. И стала думать... Ох, тяжело же решать, когда к этому не привыкла!

Чего мне надо – я уже поняла. Нужно сыскать мага, чтоб тот на меня посмотрел и определил – сколько во мне драконьего? Могу я чему-то научиться или не дано?

Если второе – плохо, но смирюсь. Стану жить, уж как выйдет. Но в Красные Сосны возвращаться смысла нет – только Лив жалко, ей теперь забот прибавится. Но Милка и Белка уже большие – с огородом помогут, остальному тоже научатся.

А где искать мага? Да кто знает? Но вряд ли они по лесным дорогам бродят или гуляют по деревням. Вон в нашу за столько лет ни один не заглянул. Скорее всего, нужно идти в большой город. Только что я там стану делать?

Выходило, что придётся мне учиться нормально считать и читать. На письмо я и не заманивалась. А как выучусь – тогда можно в город податься. Руки у меня не кривые, может, кто прислугой и возьмёт? А там осмотрюсь, дальше что-нибудь соображу.

До большого села я дошла через два дня. Да только что делать теперь, было совсем непонятно. Чувствовала я себя очень неуверенно.

Сейчас, лёжа в кустах наверху обрыва, я разглядывала деревню. Домов много – в разы больше, чем у нас. Попробовала посчитать – сбилась. Начала загибать пальцы – после пятого десятка сбилась тоже. Наконец, решила определить на глазок – насчитала две дюжины, прикинула, как много места они занимают. И сколько тут таких кусков? Что-то много... опять запуталась. Ладно, видно, что улиц не одна, как в Красных Соснах была, а целых пять, кабы не больше, – что вдали, не особо и разберёшь – и хватит с меня.

Однако что дальше? Спуститься и пойти поспросить – вдруг кому работница нужна? Только вид у меня неважный – юбка вся в зелени, рукав намертво о сук порвала. А иголку с ниткой тоже взять с собой не додумалась. Выходит – надо переодеться. И лицо мокрой тряпичей протереть – а то вдруг чумазая, а сама того и не вижу? А пока буду чиститься, с мыслями соберусь. Сидеть в кустах делу не поможет.

Выручило меня то, что краем глаза заметила за плечом движение. Обернулась – и как раз вовремя. Какой-то мальчишка лет десяти-одиннадцати уже схватил мой мешок за лямку и тянул к себе, явно собираясь дать дёру. Я прыгнула прежде, чем подумала, что делаю. Это – моё! Это всё, что у меня есть! Больше ведь нет ничего! Мамины бусы! Дедов кинжал! Мой чайник! Сухари! Как он посмел?!

Ударил вора в спину и, не устояв на ногах, сама упала сверху. И, пока не прочухался, навалилась всем весом, заламывая руку ему за спину.

– Дура! Отпусти, больно же! – Мальчишка ёрзал подо мной ужом, пытаясь вывернуться.

– Ты вор!

Свою правоту я чувствовала. Он хотел забрать последнее, что у меня было. И я схватила его за руку. Вот только что делать дальше? Не сидеть же на нём до вечера?

– Я только посмотреть хотел, дура!

Ага. Буду душой, если поверю. Сам рыжий, глаза хитрющие, и выкручивается. Как кот шkodливый.

– Хотел бы, меня б окликнул, а не тянул чужое!

– Я тебя не знаю!

– А что, у чужих брать можно?

– А то!

Ох, и вправду. Это в Красных Соснах я своей была. А тут скажи этот наверняка местный пацан, что это я у него украла, – и кому поверят? То-то и оно.

Так что делать-то? Если буду на нём дальше сидеть да переругиваться, само ничего не решится. Вот как бы поступила бабушка Рила?

– Как тебя зовут? – попыталась я заговорить по-хорошему.

– Коржик, – неохотно протянул парнишка. И тут же поправился: – То есть Корделиус.

Похоже, не соврал. Такое имечко с налёта не придумаешь. У нас в Красных Соснах имён заковыристее пары слогов и не водилось. Может, чем больше деревня, тем имена длиннее?

– Меня Син зовут. А что это за деревня, Коржик?

– Дура! Это село, Сайраган называется. Почти город! Это ты – дерёвня-я...

Если город, может, тут и маг есть? Может, я уже пришла, куда надо?

– Ещё раз обзовёшься – стукну.

Мальчишка засопел. А я задумалась – что-то я не то, похоже, сморозила... Мне ж другое спросить надо.

– Если отпущу – не убежишь? Расскажешь про Сайгаран?

– Сайраган, дура! А что у тебя есть? За то, что расскажу?

– Ничего нет. У меня бабка померла, я теперь к родичам иду. С сухарями и старым чайником.

– А деньги?

– Денег нет. – Подумав, добавила: – Совсем.

Про родичей соврала, потому что было страшно.

Если у человека хоть кто-то, хоть на краю света да есть – то он вроде и не один, его поддержат, заступятся. А если один – так делай с ним что хошь – никто слова не скажет.

Сползла с мальчишки на траву. Суму за лямку подтянула к себе под бок. Пацан, потирая плечо, уселся напротив. Сам мелкий, веснушчатый, движения рук суетливые. И глаза у него были какими-то странными – вроде карие, а с прозеленью. Зато улыбался он хорошо – во весь шербатый рот, от уха до уха.

– Коржик, так расскажешь мне про село?

– А куда идёшь?

Я напряглась. Из названий городов я слышала Галарэн да Марен-Кар. А деревень вовсе не знала. Выбрала второй.

– Уу-у, это далеко... – присвистнул парень. – А откуда?

– Из Кривых Сосен из-под Бердена. – Я уже сообразила, что называть свою деревню не следует, а всяких сосен, что кривых, что сухих, что раскоряченных, у нас по округе раскидано полно было. Поди найди. – Хотела по лесу спрямить, вот и заплутала. Сама не знаю, где я. Это – Южный тракт?

– Во дура! – восхитился малец. – До тракта ещё лиг сто на юг. А это так, дорога. Хотя тут тоже купцы ездят. За Сайраганом дальше на запад Тимир, потом Зула, потом Карсан. А уж как пройдёшь, там и до большака на Марен-Кар недалеко. – Замолчал. Потёр нос, размышляя о чём-то. Потом протянул: – Через нас по осени купцы на ярманку в Марен-Кар ездют. Тебе б к ним прибиться. Но тут без денег, ясное дело, никак. – И блеснул на меня хитрым глазом: – Я тут придумал кое-что, но сама понимаешь, не бесплатно!

Да что я понимаю-то? Коржик – первый, с кем я заговорила, выйдя за порог родного дома.

– Слушай! А потом скажи, согласна али нет. Говорят, что на постоялом дворе девку ищут для работы. Если хочешь, отведу туда. Но половину первого заработка отдашь мне!

Ух ты! Наверное, это лучше, чем за таганок варёной картошки чужой огород полоть да копать. И деньги там. И купцы опять же! Но всё же уставилась Коржику в глаза и спросила:

– А что делают девки на постоялых дворах?

– Работают, вот что! За постояльцами убирают, еду готовят да подают.

Ну, коли так, я согласная.

– Веди!

– Не. Сначала к колодцу. Ты вся чумазая. Куда тебя возьмут?

Ох, так я и думала!

* * *

Хозяин постоялого двора, Варек, чем-то напоминал нашего старосту Енифа. Не бородой – та была чёрной, а не сивой, и заметно короче, ровно стриженной. И стать казалась иной – Варек был почти квадратным, широким не только в плечах, но и в поясе. Прищуром глаз, что ли. Да манерой не говорить, а командовать, распоряжаться. Одет Варек был в добротные, дёгтем мазанные сапоги, чёрные же штаны, красивую сатиновую – бордового цвета – рубашу с вышивкой вдоль пуговиц. Вышивка была совсем не похожа на то, как делали в Красных Соснах – не цветы на длинных стеблях, а синие да жёлтые непонятные закозючки. Но смотрелось богато.

– Ты слышишь, что я спрашиваю? Коржик, ты мне глухую приволок? Или дуру?

Ох. Снова меня душой обозвали.

– Простите, хозяин, засмотрелась, – попыталась я, как могла, исправить ротозейство. И низко, в пояс, поклонилась.

– Зовут как? Сама откуда? И скока лет?

– Зовут Син. Пришла из Кривых Сосен, что под Берденом. Иду к Марен-Кару, там моя тётка, сестра отца, живёт. А лет мне шестнадцать.

Пока спешила за Коржиком по деревне, успела продумать, что и как говорить.

– Если к тётке идёшь, зачем тебе работа?

– Одна не дойду, далеко, и денег нет, – понурилась я.

– Тебя там никто не ждёт, что ли? – Варек прищурился на меня.

Я, покраснев, кивнула. Может, и надо было сказать по-иному, только лгать я совсем не умела. Это про тётку наплела в надежде, что враньё за неуверенность да робость примут. Но с прямыми вопросами так не выходило.

– Ладно, работница мне нужна. Попробуем. Коли не подойдёшь, через три дня выгоню. Пойдёшь дальше, куда шла. А будешь стараться, может, и останешься. – Поймал мой взгляд, подмигнул: – Вдруг понравится? Сейчас иди к Марке, та тебя пристроит и всё объяснит.

Коржик мялся рядом. Потом, видя, что хозяин готов повернуться спиной, пискнул:

– Дядька, а мне обещанную награду?

– Ладно, держи! – Варек сунул лапищу в карман штанов, что-то там нашарил и бросил Коржику тускло блеснувший в воздухе кружок. Мальчишка ловко его поймал.

Я сглотнула. Вот хитрый пацан! С меня деньги возьмёт, да ещё трактирщик ему что-то дал. А я ни монетки за жизнь в руках не держала.

– Ну, потом забегу! Бывай, Син! – Коржик выскочил за дверь, оставив меня одну в трактире.

– Чего стоишь-то? – обернулся хозяин. – Слышала, что я сказал? Иди к Марке!

А где та Марка? И как она выглядит? Я ж в жизни в таких огромных доминах не бывала! Это в избе сени да пара комнат, заблудиться негде. А тут? Обвела взглядом огромное сумрачное помещение с рядами столов вдаль и широкой деревянной уходящей вверх лестницей. А снаружи, как успела разглядеть, прежде чем зашли, – дом ещё больше. Три этажа, и в обе стороны тянется ширше, чем ограда у деревенского коровьего выгона. Махина, одно слово!

– Ладно. Ма-арка! МАААРКА!!! – рёв Варека эхом раскатился по дому.

Такое не то что глухой в лиге услышит, а мёртвый на погосте из могилы выпрыгнет! Ужас, как орёт.

– Чи-иво? – донеслось откуда-то сверху.

– Сюды иди! Новенькая у нас, – договорил Варек уже спокойнее.

Ох, лишь бы она была не злой!

– Значит, Син? Говоришь, шестнадцать тебе? Не врёшь? А девка иль баба? А то, может, из дома удрала, оттого что согрешила?

Я замотала головой, глядя на упёршую руки в боки краснощёкую тётку в застиранном сером фартуке.

– Ну ладно. Говори, что умеешь! Работа разная есть: стирать, убирать, готовить, за скотиной ходить, коров доить – у нас их четыре. А по вечерам, как народ выпить соберётся, все подавальщицами в нижнем зале работают. Ты считать умеешь?

– До двух дюжин, на пальцах...

– А писать? – В голосе тётки слышалось всё, что она думает о безграмотных неумехах.

– Не-а, – уныло призналась я.

– Ну-ка, посчитай, скока тут денег? – На прилавок передо мной высыпалась горка серебряных и медных монет. – И, если тебе дали серебрушку, а взяли два пива по три медяка, сколько ты сдать должна?

Я в растерянности уставилась на рассыпанное передо мной богатство. Сдать – это вернуть, что ли? А сколько в серебрушке медяков? Я ж не знаю.

– Мы с бабушкой своим огородом жили, – попыталась я объяснить ситуацию.

– Ладно, научишься со временем, – вздохнула тётка. – Давай сейчас покажу, где ты спать будешь. Потом переоденешься, да за работу! Кормить тебя за так тут никто не станет. Что, другой одежды нет? Ладно, дам. Но с получки, сама понимаешь, вычту. Иди за мной!

Спать мне полагалось в закуте под лестницей рядом с кухней, на соломенном тюфяке на полу. Пол был деревянным, а тюфяков почему-то было два.

– И запомни, никаких шур-мур с приезжими! С этим у нас строго! Попадёшься – тут же вышвырну. И если своруешь что – тоже за ворота улетишь. После того как отработаешь, разумеется.

Ох. Я уже жалела, что осмелилась сюда сунуться. Выходило, что я кругом виноватая, да ещё всем уже должна – и тётке Марке за серую полотняную рабочую рубаху, и Коржику за то, что меня привёл.

В целом Марка была ничего. Баба как баба – лет под сорок, краснолицая, уже грузная, с широкими плечами и большой грудью. Одета в синюю юбку почти до щиколоток и голубую блузу с вышивкой по вороту. Поверх – фартук с большим карманом. Коричневые волосы разделены на прямой пробор, гладко зачёсаны и заплетены в косицу. Говорила тётка Марка быстро, деловито, по существу. И было видно, что спрашивать станет строго. Так что надо постараться.

Ладно, попробую – что мне терять?

– Сейчас пойдёшь на огород. Натаскаешь воды, там две большие бочки, а потом прополи помидоры и перец. Но до вечера не поливай! Как солнце красным станет, вот тогда.

Да, это я знала. В солнцепёк воду не льют – толку не будет. Поливают рано утром или на ночь.

– Как сделаешь, найди меня. Я буду на втором этаже, в номерах. И руки вымыть не забудь! Я закивала.

Хотелось есть. Ужасно. После того как я битый час моталась с коромыслом от колодца до тех бездонных бочек, ноги едва держали. И грядки с помидорами, высокими, подвязанными к кольям, казалось, тянулись на лигу. Но сорняков там было преизрядно – а я, как нагнусь, перед носом всё плывёт. Потому что ела в последний раз вчера ещё до заката. Два сухаря и немного орехов. Но сейчас хоть напилась. Колодезная вода оказалась хорошей, холодной и сладкой.

– Син, так, что ль, тебя? Иди обедать! – послышался голос Марки от дверей.

Ох, как вовремя. У меня уже в глазах черно и кишка кишке кукиш кажется. Я сейчас за горбушку с половинкой огурца да с солью готова убить тем коромыслом!

Ополоснув руки и лицо в кадке, засеменила вслед за Маркой вглубь дома. И впрямь, едой пахнет, похлёбкой, да так, что рот слюной наполнился.

Зашли на кухню, где у стены стоял большой стол. За ним уже сидели Варек, два парня и незнакомая девчонка. Марка ткнула пальцем в деревянный стул, перед которым стояла большая глиняная миска, доверху налитая горячей красноватой похлёбкой. На доске в центре лежал порезанный толстыми ломтями круглый каравай. А рядом, на блюде, огурцы с помидорами. Ой, роскошество какое!

– Это Син, новенькая. Син, запоминай, – начала тыкать пальцем Марка в тех, кто уже ел, – это Долгар, он конюх. – Жующий хлеб темноволосый дядька лет тридцати кивнул головой. – Это Иргай, он на все руки мастер, на подхвате, а по вечерам вышибалой работает. – Плечистый белобрысый парень напротив моего места уставился мне в лицо, хмыкнул, подмигнул, заставив меня потупиться. Марка грозно насупилась: – Долгар, Иргай, чтоб без глупостей! Девку работать взяли, а не вас развлекать. Увижу, что пристаёте, скажу Варёку, сами знаете, что будет. – Белобрысый скривился и уставился в миску. Марка кивнула и продолжила уже мягче: – И последняя – Уна. Ты с ней спишь в одной комнате, – ткнула в русую девку чуть постарше моих лет на стуле рядом.

Я обрадовалась – может, подруга будет, расскажет мне, что тут и как.

Уна и ухом не повела на речь Марки. Как носила равномерно ложку от миски ко рту, так и продолжала носить. Я тоже вцепилась в ложку. Пока ясно главное – кормить, как обещали, будут. И, если что, защитят и от своих, и от чужих. А со временем всё узнаю. Лишь бы сразу не выгнали!

Миску с пряной рисовой похлёбкой я опустошила за три минуты. А потом ещё подтёрла ломтём хлеба дочиста. Хорошо-то как!

– Син, сейчас поможешь Уне здесь убраться, ополоснуть посуду, и начинаем готовить ужин для гостей. Всех, кто служит тут постоянно, ты теперь видела. Ещё несколько человек приходят из деревни, работают подённо. С ними познакомишься позже. И не ленись!

Да я всегда! Пусть только скажет, что делать надо!

В зал, где шумели приезжие и завсегдатаи «Красной гусыни» – я наконец-то узнала, как называется постоялый двор, – тем вечером меня не посылали. Я только таскала тяжело нагруженные подносы со снедью – картошкой, рисом и жарким в тёмной подливке – с кухни до стойки в зале. И то было страшно. На меня глазели, а пара мужиков всю дорогу обменивалась шуточками, после которых сидящие вокруг хохотали. Было жутко неудобно – словно я делаю что-то плохое, недозволенное. Как с задранной юбкой по улице у всех на виду идти...

В полночь Варек вытолкнул за дверь последних гуляк и сел считать выручку. А меня Марка отправила греть воду и мыть посуду. И сказала, что как с посудой закончим, столы протрём, пол выметем, тогда уже можно и спать идти.

Я кивнула. Вроде, пока не очень страшно. Только грязной посуды да кружек из-под пива прям гора. Зато последние не жирные, отполоскать легко.

Рядом беззвучно и споро работала Уна. Попробовала с той заговорить, но ничего не вышло. Вообще казалось, что Уна меня не слышит – лицо оставалось абсолютно невозмутимым, словно не я говорю, а муха вокруг жужжит.

Уже перед сном меня остановил Варек:

– Всё поняла? Слушаешься Марку. Если чего неясно – спрашиваешь у неё. А если защита нужна – бежишь ко мне. Начнёшь колобродить с мужиками – выгоню. Получать пока, кроме крова да еды, будешь одну серебрушку в неделю. Согласна?

Я кивнула. Вряд ли мне кто-то даст больше. Только сколько в той серебрушке медяков? Как узнать бы?

С Уной я попробовала заговорить ещё раз перед сном, когда та, сидя на своём тюфяке, расплела косу и начала расчёсывать волосы. Глухой она не была, это я уже просекла – Маркины приказы Уна слышала, как охотничий пёс свист хозяина. И немой тоже. Сейчас Уна сидела, водила гребнем по волосам и то ли пела, то ли жаловалась под нос:

*Ала, Алика,
птичка малая,
Птичка серая да бескрылая,
Не свить гнездо, не рожать птенцов,
Клеть железную на глухой засов...*

Этого мотива я раньше не слышала. Заунывный, как похоронный плач, и пела Уна, раскачиваясь из стороны в сторону, прикрыв глаза. Может, она ненормальная? Жаль, коли так.

Раздеваться целиком я не стала. Только сняла обувь да расчесалась. Сама решила, что при первом случае перестираю и подлатаю всё, в чём бродила по лесу. Улеглась на тюфяк, вытянула ноги – хорошо-то как после ночёвок на сырой земле промеж древесных корней! –

установилась в косой дощатый потолок и, сама того не заметив, уснула, так не дослушав песню Уны про «глухой погост да зелёный дёрн»...

Утро началось рано, как в деревне.

– Син, просыпайся, да по-быстрому! И марш на кухню, надо печь затопить и завтрак сготовить!

Угу. Сейчас. Хорошо, не коров доить, а то б было на час раньше. Оглянулась – тюфяк Уны был уже пуст. Неужели свезло, и доярка тут есть? Сейчас причешусь, оденусь и прибегу...

Дел в большом хозяйстве было неспорно, только крутись. Я послушно чистила и резала овощи, следила за варящимся рисом, чтоб не пригорел, держала нужного жара огонь в специальной печи, где пёкся хлеб, заваривала чайник за чайником тайру³, которую Марка уносила куда-то на подносах. Наконец утренняя запарка кончилась. Марка строго посмотрела на меня:

– Неплохо, вроде не криворукая. Сейчас села, быстро перекусила и марш на огород – соберёшь огурцы, какие поспели, а потом дополеешь, что вчера не доделала. И снова бочки наполни! А вернёшься, покажу, как тут полы в номерах моют.

Закивала. Пока вроде всё по силам. И полы я мыть умею. А коли что не так – научусь.

Я стояла кверху задом над грядкой с перцем, когда сверху послышалось:

– Как дела, дирёёвня?

Подняла голову – на крыше сарайчика разлёгся на пузе Коржик.

– Скока тебе денег в неделю дали?

– Серебрушку, – отозвалась я. – Половину, как обещала, тебе отдам. А скока, кстати, в серебрушке медяшек?

– Ты в каком медвежьем углу жила? – мальчишка резко поднялся и теперь сидел на краю, свесив босые грязные ноги. – Мало тебе дали, потому что сразу видать – простота ты неотёсанная. А в серебрушке полсотни медяков.

Заморгала в растерянности. Вчера Марка, когда спрашивала, умею ли я считать, сказала, что кружка пива стоит три медяка. А в серебрушке, значит... начала загигать пальцы – три, шесть, девять... – получается шестнадцать кружек с лужицей. То есть я работаю за две кружки пива в день? Как-то и впрямь немного. Вот только в Красных Соснах, у отчима, вкалывала я не меньше, а не получала ничего вовсе. Так что, выходит, я всё одно в прибыли. Но всё же то, что Коржик опять на меня как на дуру посмотрел, обидело. Вскинула на него глаза:

– Если хорошо работать стану, мне прибавить обещали!

– Ну-ну, – осклабился в ответ рыжий.

– Коржик, – решила я. – А ты грамоту знаешь?

Показалось, что кто-то с именем Корделиус обязательно должен быть грамотным.

– По складам умею, – важно заявил парень.

– А меня научи? Я буквы уже знаю!

– А зачем мне это? – сморщил нос Коржик.

Ну да. Зачем ему со мной морочиться?

– Во! Сиськи дашь потрогать – помогу!

Я почувствовала, как покраснела до макушки. Вот же! Ещё сопляк, а уже охальник! Повернулась к грядке и со злостью рванула куст лебеды. Неудачно – та не вылезла из земли, а оборвалась у корня. Ну и пусть!

³ Тайра – популярный в Драконьей Империи травяной настой на основе ягод шиповника и мяты в смеси с другими травами. Заваривают и пьют, как чай.

– Будешь вредничать, скажу, что ты всем даёшь – тогда не отвяжешься!

– А я Варёку скажу, что ты врёшь!

Кажется, случайно я угадала, Варёка Коржик опасался.

– Ишь как завелась! Ладно, посмотри, как вести себя будешь!

Но что ж за гадёныш этот рыжий! Разве так можно? И сидит, лыбится, словно ничего и не было.

От расстройства чуть не выдрала вместо сорняка куст перца, густо увешанный красными и зелёными стручками. И, как назло, в этот момент и вышла посмотреть, чем я занимаюсь, Марка.

– Ах ты ж безрукая! Лясы точишь вместо дела? День поработала, думаешь, и хватит? Ну-ка марш за мной!

Я, понурясь, побрела следом за Маркой. Сейчас как выгонит!

Потом мы убрали комнаты. Одну за одной шесть подряд. Я под присмотром Марки мыла полы, а та перестилала бельё на широких кроватях. Я молчала – как жаловаться, если даже затылком чувствуешь неодобрение?

– Сейчас закончим, воды нагреешь, покажу тебе как стирать. А полоскать ходят на речку. Но туда тебя одну, без присмотра, я пока не пущу.

Да я и не рвусь. Пока мыла, тихонько оглядывалась – интересно же, как в городах живут? Хотя пока заметила только одно отличие – у нас в чести были солидные, переходившие из поколения в поколение деревянные резные сундуки с обитыми железом или медью углами. А тут вместо сундуков в каждой комнате стоял шкаф – большой деревянный ящик с дверцами вроде оконных ставень снаружи и полками внутри. На одной из полок, которую я протирала влажной тряпкой, обнаружился лист бумаги. Не чистой, а исписанной. Буквы были наклонными, красивыми, как кружевная вязь. Я разобрала большую, с хитрой закорючкой «Д», а в другом месте – «А». Показала лист Марке – та пожала плечами:

– Прихвати на кухню, на растопку бумага хороша.

А я решила, что лучше оставлю красивый лист себе. Буду разбирать потихоньку, может, чему и научусь. И чистые поля там широкие. Можно цифры написать, чтобы как следует запомнить и не путать. Сложила письмо вдвое и сунула за пазуху.

* * *

Прошло две недели. Я с утра до вечера крутилась по хозяйству – постоянный двор был большим, со своим огородом, конюшней на тридцать лошадей, огромным двором, трёхэтажным домином и пристройками. И всё требовало заботы, глаза да ухода. Зато кормили хорошо – обычно на завтрак шли остатки вчерашнего ужина, на обед была сытная похлёбка со свежим хлебом, на ужин картошка или рис, часто с мясной подливой. В деревне я ела хуже. С долгами удалось расплатиться – за серую рубаху и посконную юбку, в которых я работала, Марка взяла полторы серебрушки. А ещё двадцать пять медяков с первого заработка я, как обещала, отдала Коржику. Скрипя зубами... а что делать? Слово есть слово.

Тот ссыпал монеты в карман портков, ухмыльнулся:

– Не думал, что ты отдашь.

– Слово дала, – поглядела я на него исподлюбья.

– Кончай дуться. Давай, цифры покажу.

– Цифры не надо, я уже сама запомнила.

И мудрено было не запомнить. Над прилавком, за которым стоял по вечерам Варек, висела доска. Звали её меню. Слева написаны всякие «пиво светлое» или «молодое красное», а справа – сколько это стоит. А кто читать не умеет, так для тех рядом с каждой строкой имелся

рисунок – жёлтая кружка с пеной над ней или красный стакан и рядом – горка монеток, две, три, пять или сколько надо. Так когда на цифры смотришь и их же без конца слышишь вечер за вечером, будь хоть с дырой в голове, а в памяти застрянет.

С буквами было хуже, потому что оказалось, что одна и та же могла писаться по-разному. Большие, маленькие, печатные и прописные... как понять, что вешалка, трёхногий мост и что-то вроде верблюда – это одно и то же?

Кстати о верблюдах – до того я никогда их не видела. А тут поглядела вживую сразу на целых трёх. Настоящих, жёлто-бурых, с двумя горбами и оттопыренной губой. Мимо проезжали купцы из Зарифа – тёмные, как из обожжённой глины слепленные лица, ничего не выражающие чёрные глаза, за поясами – кривые кинжалы. Марка сказала мне близко не подходить. Да я б и сама не полезла – отчего-то стало страшно.

Вообще, людей вокруг было столько, сколько я себе и вообразить раньше не могла. Многие – совсем не похожие на наших, деревенских. Например, часто взрослые мужики не носили бород, ходили с голыми лицами. Мне поначалу казалось странным... а потом привыкла. Я бы хотела поговорить, расспросить, узнать побольше о том, как тут живут, но случая не представлялось. Марка следила, чтобы я всё время была занята, а ещё чтобы зря не болтала. Работала я либо под её присмотром, либо с молчаливой Уной. Один раз после ужина я попробовала заговорить с конюхом Долгаром, казалось, что тот незлой, но мы и парой фраз переброситься не успели – появилась Марка и отчитала меня за то, что лезу, куда не просят. Велела быть скромнее да её слушать. Я решила не спорить, пока не заработаю хотя бы трёх серебрушек – однажды вечером в зале я услышала, что при входе в город берут одну или две. Но вдруг я не сыщу мага в первом городе, куда приду?

Сколько придётся заплатить магу, я и представить себе не могла.

И о своих планах молчала.

Глава 4

*Человек может забыть чистую свежую воду, которой ему дали
утолить жажду, но грязную и горькую он не забудет никогда.
Г. Х. Андерсен*

Когда отец ещё не пропал, он много рассказывал о местах, куда ездил. Только я маленькой была и запомнила плохо. Но тогда казалось, что трактиры и постоялые дворы, где собираются люди из разных концов страны, – места столь же чудесные, как дворец, куда в сказке отправилась принцесса в карете из тыквы. То, что я видела сейчас, на сказку было не похоже.

Ходили к нам по вечерам в основном местные мужики – выпить, посидеть, погорланить песни, потолковать о делах. Баб и девок не было совсем, а если какая и появлялась, то не в одиночку, а обязательно со спутником. Правда, одна приезжая мне запомнилась: была она совсем непохожей на других – в штанах и сапогах, удобной куртке, с волосами, закрученными на затылке, и мечом на поясе. Держалась уверенно, и народ перед ней расступался. Приехала верхом на хорошей лошади, а спутника при ней не было. И расплачивалась она за себя сама. Я спросила Марку, кто это, но та меня одёрнула, что, мол, не моё дело – по постояльцам глазами шарить. Вон прилавок протереть надо, весь в пиве!

Разговоры тоже послушать не выходило. Некогда уши развешивать, если с тяжеленным подносом туда-сюда бегаешь. Тут как бы чего не уронить... А если и услышишь по пути пару фраз, всё равно непонятно, о чём они. Единственно – об этом говорили все – шли толки, что на большаке завелась банда какого-то Сорокопута, на крупные обозы не нападают, а одиноких путников грабят. И ещё спорили, прилетит ли драконий патруль, чтобы поймать этого Сорокопута или ловить его будет местный лорд – какой-то там Лидо тер Асаран?

За едой на кухне говорили тоже немного. Так, перекидывались фразами, что сена побольше купить надо или что крышу на флигеле до зимы поправить следует, а в основном молчали. Только один раз, когда я решилась спросить, что там дальше по дороге на запад, тётка Марка усмехнулась и сказала, что за селом начинаются поросшие лесом холмы, где водятся гоблины.

– Какие гоблины? – заморгала я.

– Они маленькие, шуплые, нормальному человеку по плечо, но зато вёрткие да сильные. А кожа зелёная и в мелкой чешуе. А на лапах когти чёрные.

– Это как у ящериц, что ли? – не поняла я. – А они опасные?

– А то! Само собой, опасные. И хитрые, затаятся и подкарауливают! А особо до девок охочие!

– Как до девок?

– До человеческих девок. Те горячие, мягкие да сладкие. Вот гоблинам и нравится, – осклабилась Марка.

Я обвела глазами стол – Уна привычно молчала, неслышно шевеля губами, Долгар с Иргаем усмехались, глядя на меня. Потом Иргай кивнул, как бы подтверждая то, что сказала Марка.

Ночью я долго не могла заснуть – всё мерещились в темноте жуткие хари и зелёные лапы с чёрными когтищами, тянущиеся ко мне. Пусть я не мягкая и не сладкая, но страшно было всё равно. Повезло мне, что сюда невредимой добралась!

Остаться в «Красной гусыне» насовсем я не хотела. И потому, что поняла, что мне и в самом деле платят мало, когда услышала, как одна подёнщица сказала другой, что три серебряшки за эту неделю потратит на ярманке, которая будет в выходной. А работали подёнщицы

в два раза меньше Уны и меня. И выходной у них был. И, главное, им никто не запрещал болтать и смеяться за работой. А стоило мне открыть рот – как тут же появлялась Марка и либо одёргивала, либо отсылала поливать огород. Где, кроме как с чучелом на палке, беседовать было не с кем.

Зато я осознала другое, очень важное. Что, хоть ушла я из дома от отчаянья, не зная, что со мной станется, но, может, и не пропаду. Выходило, что прокормить себя я всяко сумею. А если найти работу, где есть с кем поговорить, так мне ещё лучше, чем в Красных Соснах, будет. Потому что сама себе хозяйка и никому не обязана.

Походя я присматривалась к тому, как ведут себя приезжие, глаз-то мне Марка не завязывала. Как сидят за столом, как едят, как здороваются и кланяются. Поклоны в пояс, как делала я, тут никто не бил. Или кивали, или кланялись, чуть-чуть наклоняясь вперед. А девки – пару раз такое видела – смешно приседали, склонив голову и держа спину прямой. Однажды, когда мы убрали нумер и Марка вышла за свежим бельём, я попробовала присесть перед зеркалом, так вышло по-дурацки до ужаса. Так что решила, что буду, если понадобится, просто кланяться, как парни.

Иногда, когда я копалась на огороде, забегал Коржик. Как ни странно, я была рада. Поговорить-то хотелось. Хоть с кем-то. Марка только одёргивала да отчитывала, Уна молчала или выла на ночь глядя песню про Алику на погосте, а к остальным меня не подпускали вовсе. Правда, толку от Коржика было немного. Когда я спросила его про гоблинов, он только заржал. Зато я приладилась тянуть из него, как пишутся буквы и слоги – по паре за раз. Хоть какая, да польза.

Последний месяц лета почти закончился, и я понимала, что нужно определяться, как быть дальше. То ли попробовать прибиться к торговому каравану, идущему на запад, то ли отложить до весны. Кумекала и так и эдак. Если поработаю в «Красной гусине» до апреля, так у меня будет аж тридцать серебрушек – больше половины золотого! Тогда можно и одежду попрличнее справить, и в город без опаски идти. И на мага, наверное, хватит. А ещё я услышала, что в Марен-Каре ярманки бывают два раза в год – не только осенью, но и весной. То есть попутный обоз точно сыщется, было бы чем заплатить.

Но оставаться тут хотелось не особо. И обидно было, что платят мало, и скучно быть всё время одной. Мне даже стало казаться, что Марка нарочно не даёт мне ни с кем разговаривать. Не потому, что это работе мешает, а чтоб я чего-то не узнала.

Однажды мы с Маркой и Уной пошли на речку, полоскать бельё. Время Марка выбрала несусветное, настолько спозаранку, что даже собаки ещё не брехали, спали. Трава была в росе, дорогу затянул туман, а к реке пробирались мелкими шажками – там пелена была вовсе непроглядной. Но пока отполоскали три здоровенные корзины, пока отжали, встряхнули да сложили, чтоб потом удобно развешивать, наступило настоящее утро. И на дороге от села показалась группка молодых баб – звонкие голоса и смех в утренней тишине разносились далеко... Я было обрадовалась, да зря. Марка тут же засобиравалась, причём идти предложила не по дороге, а напрямки, через овраг. Мол, пора, дела ждать не будут.

Я настолько была занята тем, что смотрела под ноги, боялась споткнуться и думала, как бы не уронить корзину и не извалить чистое бельё в пыли, что и не заметила, что путь лежит через кладбище. Может, всё б и проворонила, если б Уна вдруг надрывно не затянула своё: «Ала, Алика, птичка ма-алая...»

Марка начала громко ругаться. Я заозиралась и чуть не выронила бельё – вокруг торчали надгробные камни да вешки. Уна забрела куда-то в сторону – стояла перед большой грудой камней, пела и раскачивалась, не выпуская корзину из рук. Из груды торчала вешка с дощечкой, на которой чёрными буквами было написано имя. Прищурившись, разобрала – первая и последняя вроде «А». Имя недлинное. Догадка прострелила молнией – неужели там лежит Алика? Неужели песня – не просто так? Или это совпадение?

Ясно, что Марка ничего не скажет. А с Уной не потолкуешь. Только получалось не совсем понятно... Решила спросить у Коржика – вдруг тот что слышал?

Коржик, как по заказу, возник, когда я после обеда пошла рвать к ужину укроп с петрушкой и собирать огурцы.

– Коржик, привет!

– Привет! Ты что сегодня такая добрая, сама здороваешься?

– Да спросить хотела. Ты ж всё тут знаешь. Скажи, кто такая Алика?

– Алика? А зачем тебе?

– Да Уна про неё песню без конца поёт.

– Мало ли про кого поют, – фыркнул Коржик.

– А сегодня мы с речки через погост шли, так там могила, – не отступала я.

– А-а... Ну была такая, приболела да померла.

– А отчего померла?

– Отчего, не отчего... Просто померла. Всяко лучше, чем если гоблины... Ну, я пошёл, мне пора!

Мне показалось, или он чего-то недоговаривает?

Как бы выяснить?

Только надо ли мне это знать?

Может быть, потому, что была встревожена из-за Алики, а, может, просто оттого, что устала от молчанки, но днём я подошла к Вареку и сказала:

– Дядя Варек, Марка вроде мной довольна.

– Ну и?..

– И работаю я с утра до вечера, без выходных, больше, чем любая подёнщица.

– Ну и?..

– А они получают больше! – припечатала я.

– Да ну-у? Точно знаешь?

– Да, своими ушами слышала, – решила я не сдаваться.

А если не прибавит, так уйду. Теперь у меня опыт есть, в другое место легче будет пристроиться.

– Экая ты резвая. А что живёшь да столуешься здесь бесплатно – не забыла?

Я смутилась. И в самом деле же тут и ем, и сплю. Но решила не отступать, вспомнив, как, услышав о моей оплате, скривился Коржик.

– Всё равно серебрушка – очень мало!

Варек поскрёб пятернёй подбородок, разглядывая меня в упор. Прищурился, кивнул каким-то своим мыслям:

– Ладно, накину. Пусть будут целых две. Но и работы добавлю. Так будет справедливо.

Две? Я округлила глаза. У меня вышло! Это скока же тогда я к весне смогу скопить?

Работы и впрямь прибавилось – Марка поручила мне дойку коров и заботу о птичнике. Я не спорила. Ничего, что вставать на час раньше, оплата-то теперь в два раза больше!

А по вечерам мне полагалось надевать красную рубаху, подвязывать волосы красной же лентой и не только носить еду с кухни, но больше времени проводить в зале – вроде как помогать Вареку разливать пиво. Запах спиртного – кислый, раздражающий – мне не нравился, как и липкие взгляды пьяных мужиков, но зато теперь можно было послушать, о чём говорят. Сорокопута ещё не поймали, урожай в этом году выдался хороший, скоро пора свадеб, а потом настанет время платить налоги лорду.

Я быстро поняла, зачем нужна в трапезной. Пусть не красавица, но молодая сноровистая девчонка всегда мужиков видом радует. Вот они и сидят за столами дольше, и заказывают

больше. А Варек следил, чтобы ко мне не приставали. Хотя было всё равно неловко. Вроде и не трогают... а почему-то хотелось помыться.

Марка сказала, что раз по вечерам я помогаю хозяину, то должна вести себя как положено, по-городскому. И заставила учиться делать те самые книксены.

– Глаза не таращи, рот не разевай. Улыбайся больше. И ни с кем без надобности не спорь. Девкам перечить не положено. Можешь косу теревить, вроде как показываешь, что смущена.

Я кивала. Мне и в самом деле было неудобно.

А ещё Марка отрядила теперь на огород Уну, сказав, что у меня лапищи с чёрными ногтями на грабли похожи. С такими в зале делать нечего. И заставила держать руки в тёплой воде с мылом, а потом тереть щёткой и мазать подсолнуховым маслом. И пригрозила, что за каждый раз, как увидит меня с чёрными ногтями, будет с оплаты снимать по медяку. Я впечатлилась, хотя понять, к чему такие строгости, не могла. У половины постояльцев тоже были лапы как лопаты, и ничего.

Присматривали за мной постоянно. Как-то раз в проходе, ведущем на кухню, меня подкараулил молодой чернявый купец. Схватил за руку и шепнул: «Я на третьем этаже во второй комнате от лестницы. Приходи ночью, пять серебрушек дам!» Я даже головой замотать не успела, как рядом возник Иргай со своей обшитой кожей короткой дубинкой. Купец тут же меня отпустил, сделав вид, что ничего и не было. Я, само собой, никуда не пошла. Чай не дура!

По выходным в селе проходили ярманки. Я хотела сходить – не то, чтоб что-то купить, но хоть посмотреть на цены, понять, сколько стоят сапоги, а сколько – плащ, но меня непустили. Тётка Марка так и заявила:

– Прибавки просить здорова, а работать кто будет? Сама знаешь, в выходной у нас полон зал!

– Да я днём быстро сбегая... – попробовала занять я.

И получила в ответ резкое и окончательное:

– Нет.

Может быть, поэтому, когда Варек предложил мне заработанное не забирать, а оставить в деле, чтоб на каждую монетку за год ещё одна набежала, я отказалась. Потому как никто не знает, сколько он мне платит и платит ли вообще. А если брать деньги не буду, а потом весной попрошу сразу семьдесят серебрушек, а он мне их отдавать не захочет – что тогда? Вступить за меня некому. А так получится, что он мне при любом раскладе больше чем за неделю не задолжает. Только где хранить деньги? Закуток под лестницей с деревянной щеколдой на гвозде надёжным местом никак не казался. И всюду сновал народ. Да ещё тётка Марка с меня глаз не спускала. Выходило, что нужно деньги – а у меня и было-то всего пять монеток – при себе держать. Я решила, что сошью мешочек на шею, и там вместе с бабушкиной цепочкой, которую не снимала никогда, и стану носить мои серебрушки и мамины бусы. А то, если пропадут, ничего у меня от мамы не останется.

Иногда по вечерам, пока горела масляная лампа, я вертела в руках тот исписанный лист. Первое слово я разобрала – «дорогая». А вот второе было именем – то ли Алима, то ли Алиша. Дальше буквы были мелкими и наклонными, я путалась, но пыталась понять. Сама накрутила целую историю, почему тот, кто писал, уехал от своей жены или невесты и что он ей сказать хочет. Слова были длинными, звучали непривычно. Например, драгоценная и незабвенная. У нас так не говорили.

Погода переменялась, и впрямь началась осень. Жара ушла, сменившись хмарью и моросящим дождём. Если раньше я сомневалась, уйти или остаться, то теперь просто радовалась, что у меня есть тёплый угол и мягкий тюфяк. И старательно помогала тётке Марке рубить капусту для закваски и солить в больших кадушках грибы, которыми сейчас торговал каждый

второй. И мужики, и бабы. Я завидовала – мне тоже хотелось в лес, засиделась я в четырёх стенах, но понимала, что не отпустят.

Может, тут хороших да безотказных работниц не так уж много, хоть село на вид и велико?

Смуту в установившийся безмятежный душевный лад внесла неожиданная встреча прямо во дворе трактира. За углом коровника меня подкараулила незнакомая старуха – сгорбленная, в закрывающем лоб и щеки чёрном платке. Вцепилась в руку и забормотала:

– Уходи отсюда, деточка! Беги, пока не поздно! Не то сожрут тебя звери лютые, только косточки да останутся! А душа белая пропадёт навек!

Я остолбенела. Бабка больно сжимала моё предплечье, глядела пронзительными глазами, даром, что на одном было бельмо, и продолжала причитать:

– Беги, беги отсюда, деточка! Не дай сгубить себя, как других сгубили!

– Кого сгубили, бабуля?

Ответа я не получила – из-за угла широким шагом вылетел Иргай, грубо схватил старуху за плечо, встряхнул и поволол к воротам:

– Опять привалила, ведьма сумасшедшая! Говорил, не ходи сюда больше! Сейчас ты у меня получишь! – Обернулся: – А ты иди коров дои. Что, ненормальных не видела?

Я кивнула и заторопилась в хлев. Но осадок остался... Странно это всё как-то... И Уна, и Алика, и вот теперь эта бабка. Спросить бы – да некого.

Спустя пару недель я уже забыла о той бабке напрочь, будто никогда и не видела. Думала совсем об ином. Об оставленном доме, размышляла, нашёл ли Гар себе другую невесту и о том, что сейчас в Красных Соснах, – вышла ли Тайка за своего Лута и свободен ли ещё Бор? Увижу ли я их снова? Суждено ли мне туда вернуться?

А ещё мне удалось разобрать в письме большой кусок, где писавший вспоминал, как вместе с Алишей любовался с балкона на растущую луну. Как они дарили друг другу поцелуи – вот именно так, не просто целовались, а дарили! – и какие слова говорили. Почему-то, когда я читала это, становилось сладко и грустно. Какие, оказывается, чудеса на свете бывают! «Прекраснокудрая нежная богиня» – меня никогда так не назовут, это уж точно. И что такое, кстати, «балкон»?

* * *

О приезде знатных гостей стало известно заранее. Ждали местного лорда – Лидо тер Асарана, который раз в год, по осени, лично объезжал владения, проверяя дороги и собирая налоги.

Ещё за неделю мы с тёткой Маркой, с четырьмя вёдрами горячей воды и кучей тряпок, отправились скрести и приводить в порядок второй этаж отдельно стоящего флигеля, куда до того меня не пускали. Впрочем, постояльцев сюда тоже не селили, и, войдя внутрь, я поняла, почему – таких комнат я досель не видела. Больше всего поразила воображение кровать под огромным, с сарай размером, деревянным балдахином, к которому крепились занавески, как на окнах. Цельный шатёр! Пол был покрыт цветастым ковром, а у масляных светильников на стенах имелись стеклянные дутые абажуры с хрустальными висюльками понизу.

Провозились два дня – пуховые перины надо было перетряхнуть, занавески снять, выбить пыль и повесить обратно, окна – каждое стёклышко – протереть до зеркального сияния. Про пол, ковёр и те самые абажуры уж не говорю... один я чуть не расколотила с непривычки – намылила, а он из рук и выскользнул.

Снедь с разносолами – копчёности, солёности да сладости – тоже готовили заранее. А ещё на кухне начистили посеребрённый поднос и перемыли расписные, тонкого фарфору тарелки да чашки, которых я прежде не видела.

И, наконец, за день до приезда тётка Марка погнала нас с Уной в баню. Ну, туда мы и раньше ходили раз в неделю, но в этот раз я чувствовала себя как тот абажур – в центре внимания. Дошло до того, что тётка заставила меня поднять руки над головой и потёрла специальным камнем подмышки, соскребая волосы. Я открыла было рот, но меня заткнули:

– Чтoб потом не воняла, ясно?

Наверное, этот лорд очень важная персона. И очень строгая, раз такие приготовления.

Когда всадники въехали во двор, я была в доме, возилась на кухне. Сначала послышался стук копыт, ржание коней и громкие голоса. Выглянула в окно – и обомлела. Таких людей я раньше наяву не видела – только на картинках в маминой книжке. Сами богато одеты в цветные плащи. Наручи, всякие бляшки сверкают, сбруя блестит, кони лоснятся, под сёдлами – яркие попоны. А кто ж из них лорд?

Лордом оказался скакавший во главе – именно перед ним склонились Варек и Марка, протягивая, как положено, каравай хлеба и чашу вина на подносе с вышитым рушником. Спешившись, лорд – высокий мужчина, не молодой и не старый, с каштановыми кудрями ниже плеч – взял вино и отхлебнул из кубка. Одобрительно кивнул. Я глядела во все глаза, разглядывая первого увиденного в жизни благородного. Багряного цвета шёлковый плащ с тёмной меховой опушкой, руки в белых перчатках, безбородый. Мне он показался ошеломляюще красивым. Как принц с картинки в волшебных сказках.

Захотелось поглядеть поближе. Вытирая на бегу мокрые ладони о фартук, заторопилась к выходу во двор. Марка сейчас занята, ругать меня некому. И примчалась как раз вовремя, чтобы увидеть, как лорд, ставя пустую чашу назад на поднос, резко взмахнул рукавом прямо перед носом у своего жеребца. Гнедой заржал и, заложив уши, попытался встать на дыбы. Держащий его под уздцы Долгар повис на поводе. А лорд резко обернулся и со всего маху стукнул коня кулаком по храпу:

– Уймись, скотина дурноезжая!

Гнедой так и присел на задние ноги.

– Два месяца как заездили, а всё выкаблучивается! – усмехнулся лорд.

Долгар торопливо потянул вздрагивающего жеребца за повод, уводя того в конюшню. А я замерла, вцепившись в дверной косяк: разве дело вот так бить лошадь, которую сам и напугал? Или у лордов заведено, что если кто ослушается, то сразу наказывают?

– А это кто? – синие глаза лорда Лидо остановились на мне. – Не припомню такой.

– Это Син, новенькая, – заулыбалась Марка. – Ей шестнадцать.

– Шестнадцать? Ну-ну... – лорд смерил меня взглядом и повернулся спиной.

И только тогда я поняла, что, дура такая, забыла поклониться...

Вечером, когда уже стемнело, тётка Марка сказала, что ужинать благородный лорд будет не в общей зале, где на него всякие смерды да простолюдины станут пялиться, а у себя в апартаментах. И что мы сейчас ужин приготoвим и отнесём.

Я внимательно слушала, что и как надо делать. А вот Уна не нашла лучшего времени, чтобы затянуть своё «на глухой погост под зелёный мох». Марка на неё рывкнула, а потом пригрела и меня, дёрнув за юбку. Задрала ту, увидела серые посконные штаны и завопила:

– А как лорд заметит это непотребство! Ну-ка пошли, одену тебя как надо! А то что о нас подумают?

А что подумают-то? Я прислуга, и на мне всё чистое.

Но портки тётка заставила меня надеть другие – белые, по колено, на красном шнурке. Ох, надеюсь, она не станет вычитать за них деньги из жалованья. К чему мне такая тряпка? Совсем без надобности.

С подносом, на котором громоздился большой гусь с яблоками, блюдо пирогов с грибами, миска свежих огурцов с помидорами, тарелка с фаршированным перцем и ещё гора всего, я

еле протиснулась в дверь. Мысль была одна – не уронить! Тяжеленный, огромный, куда ногиставишь, из-за него не видно. Тётка Марка пыхтела впереди – тащила бутылки в большой корзине и разные сладости. Хорошо быть лордом!

К моменту, как мы поднялись на второй этаж флигеля, по спине струйками тёк пот. От страха, что оступлюсь или уроню поднос, и от напряжения. А ещё почему-то зачесался нос.

У двери Марка поставила корзину на пол, постучалась и, услышав властное «Входите!», неловко, боком, протиснулась в дверь.

– Ну, вот и мы, ваше сиятельство. Сейчас стол накроем, гусь горячий, молодой, орехами откормленный, вино сладкое... – пела тётка Марка непривычно елейным голосом, расставляя по белой скатерти принесённые яства.

Я, пока она разгружала поднос, стояла смирно. Только стреляла глазами – было любопытно взглянуть на лорда ещё раз. Васильковый кафтан – или эту одежду называют как-то иначе? – был брошен на спинку стула. А сам хозяин, в одной свободной белой рубаше с пеной кружев у горла и на груди, развалился в кресле. Поймал мой взгляд, усмехнулся. Я потупилась, чувствуя, что краснею.

– Ну, вот и готово. Коли чего ещё надо будет, звоните в колокольчик, сразу прибегу. – Тётка Марка обернулась ко мне: – А ты, Син, останешься здесь, прислуживать лорду Асарану. Во всём его слушайся и не перечь, поняла?

Машинально кивнула. А потом накатила паника – ведь не умею даже толком кланяться, так откуда мне знать, как благородные лорды едят и чего им надобно?

– До утра меня не беспокоить, – подал наконец голос лорд.

Марка выдернула у меня из рук пустой поднос, пятясь, выехала задом в дверь и захлопнула ту снаружи. Я осталась в комнате.

Лорд поднялся из кресла, потянулся, пересел в другое, на деревянных ножках, стоящее у стола.

– Ну, что столбом встала? Вина мне налей. И гуся порежь. Я верхнюю часть ножки люблю.

Я засуетилась. С гусём справилась, и, как мне показалось, неплохо. Только руки все перемазала, а вытереть было не обо что. А как теперь с вином? И какое наливать? Тут же полдюжины бутылок, да все разные!

– Салфетка вон.

Мужчина разглядывал меня и, казалось, веселился. Это хорошо. Я боялась, что он рассердится на мою неуклюжесть.

– Ну-ка, повтори, как тебя звать?

– Син.

Сказала – и низко поклонилась.

– Ладно, не маячь перед глазами. С грибами я и сам справлюсь. Сядь пока в кресло, посиди.

Насчет грибов он шутит, что ли? И, если сам, выходит, мне уже можно идти? Или потом я должна унести грязную посуду? А как её нести-то без подноса? А ещё: всадников приехала почти дюжина – куда остальные подевались? Может, в общем зале сидят? Или пошли куда-то?

Отступив назад, тихонько присела на ручку кресла. Отчего-то вспомнилось, как лорд Асаран стукнул по храпу ослушавшегося коня. Со всего маху, больно. Стало тревожно. Ох, скорее бы унести отсюда ноги...

Тихо, почти не дыша, я смотрела, как лорд кромсает кинжалом гуся, сам наливает из одной из бутылей, заедает пирогами. Внезапно он обернулся ко мне:

– Ну-ка, поди сюда да выпей со мной.

– Мне нельзя... – растерялась я.

Я ж в жизни ничего крепче малиновой наливки Лив не пробовала. Да и ту пила лишь однажды, с ложечки, после того, как в речку зимой провалилась.

– А я сказал – можно. Ослушаться хочешь?

Ой, не хочу.

Послушно взяла пустой кубок и плеснула в него из той же бутылки, из которой пил лорд Асаран. Поднесла ко рту, пригубила. И разве это вкусно? Кисловатое, а горло дерёт. И в животе сразу разлилось тепло, а мне и без того жарко.

– Нравится?

Испуганно кивнула. Скажешь, что не понравилось, так ещё заставит глотать.

– Подойди ближе!

Не дождавшись, схватил меня за запястье и дёрнул к себе.

– Быстрее! Ждать не стану. Садись ко мне на колени! – и потянул за руку вниз, нагибая к себе.

Как, как это? Это он чего?

– Так верно, что ты – ещё девица?

Кивнула. Только это здесь при чём?

– Это ж надо, какую Варек в этом году сыскал. Ты мне нравишься, зеленоглазка, что-то в тебе есть. Чего рот разинула? – Усмехнулся, глядя на меня снизу вверх. – До сих пор не поняла, что ли? Мне по нраву скакать на необъезженных конях, ломать их под себя, и брать нетронутых девок, чтоб я первым был. А с Вареком у нас уговор, что если тот сумеет для меня девицу сыскать, я ему годовой налог прощаю. Так что... – резко рванул руку, роняя меня к себе на колени. И тут же притиснул, больно стиснув грудь.

Я задёргалась, пытаюсь освободиться.

– О, вырываешься, дикая совсем? Может, ты ещё и нецелованная? Ну, тем забавнее будет. И не вздумай кричать – себе хуже сделаешь.

От него несло кислым запахом вина, и красивым мне сейчас лорд уже совсем не казался. Наоборот, стало страшно... и противно. Забилась, как рыба на крючке – и получила удар кулаком под дых. А потом он нагнулся к моей шее и впился – не поцелуем, как говорилось в сказках, а зубами.

Тут я уже завопила от боли и испуга. Выходит, тётка Марка отвела меня, как овцу на бойню, чтоб меня изнасиловали, без свадьбы сделали бабой. Чужая грубая рука уже шарилась под юбкой, протискиваясь между бёдер.

– Ёрзай, ёрзай, чувствуешь? – захохотал он прямо в ухо.

Ой! Подо мной и впрямь как у жеребца на случке! И, если он кинет меня на кровать, будет уже ничего не сделать... Глаза заметались по столу, остановились на кинжале, которым лорд кромсал гуся. Не дотянуться. А вот бутылка совсем рядом стоит. Стараясь не думать о последствиях, от отчаянья, с перепуга, сделала то, что однажды вечером видела в зале трактира: тогда один пьяный разбил винную бутылку и с горлышком, щерившимся зубами осколков, полез на соседа – чтобы утихомирить буяна, Иргаю пришлось оглушить его дубинкой. Тоже схватила початую бутылку и со всего маху долбанула по краю стола. Осколки так и брызнули, мешаясь с красным вином. Кажется, я порезала руку. А юбка разом вымокла, стала алой. Невольно взвизгнула и, пока не потеряла решимости, с силой ткнула отбитым горлышком вниз, куда-то в ногу державшего меня лорда Асарана. Тот заорал и отшвырнул меня прочь, как царапающую кошку.

Упала я больно, на локоть, ушиблась. Но тут же поползла прочь, одновременно пытаюсь подняться на ноги. Лёжа на животе, себя не защитишь!

Обернулась – лорд Асаран стоял у кресла. Виделся он мне сейчас не человеком, а разъярённым медведем. Когда тот встанет на дыбы и готов задрать всех, до кого дотянется.

– Убью-у-у! – взревел лорд.

Я вскочила и метнулась к столу, хватая кинжал. Куда делось горлышко от бутылки, не поняла. Наверное, укатилось под стол, когда упала. Но кинжал даже лучше. Выставила его перед собой и стала пятиться к двери.

– Думаешь, уйдёшь после такого, паскуда? – По штанам лорда на глазах расплывалось багровое пятно. Похоже, не вино, кровь. – Привяжу к кровати и сначала сам отымею, а потом ту бутылку тебе суну, чтоб знала!

Что же я наделала? Ведь Варек с Маркой защищать меня не станут, а убегу – так сами за косу назад приволокут. А за покушение на лорда, наверное, по закону и вовсе казнить должны.

За дверью послышался топот – кто-то поднимался по лестнице. Ох, это точно не мне на помощь... Рванулась к окну, решив, что прыгну вниз, тут невысоко.

Лорд попытался было броситься наперерез, схватить меня, но вместо этого схватился за раненое бедро. Видать, сильно я его зацепила.

От удара плечом створки распахнулись, и я, не дожидаясь, пока в комнате появится кто-то ещё, вывалилась наружу. Руку с кинжалом отставила в сторону, чтоб себя ненароком не пырнуть. На ногах не удержалась, завалилась набок. Сверху слышалась брань. А я понимала одно – надо бежать как можно дальше и быстрее. После того, что натворила, прощенья мне не будет!

Поднявшись кое-как на ноги, поняла, что рассадила колено. Больно. Но вроде ничего не сломала. Только куда теперь? В дурацкой красной рубаше, мокрой юбке, драных белых портках и без ничего. Из ценного – только мешочек с девятью серебрушками да мамкиными бусами. А зима на носу.

Заторопилась, прячась в тени стены, к большому дому. Коли поспешу, смогу уволочь свой мешок с плащом раньше, чем Варек прознает о том, что я наделала, и начнёт меня искать.

Нырнула под одну из стоящих во дворе телег. Пока, если не считать несущейся из окна флигеля ругани, вроде тихо. И меня никто не заметил. Кто сейчас на кухне? Если одна Уна, так мне сvezло. Сжала кулаки, зажмурилась: коли есть у меня от деда хоть капля драконьего везения, пусть оно мне поможет!

Как ответ на молитву, в тёмном небе заворчал, блеснуло, громыхнуло, и хлынул дождь. Ну и хорошо. Теперь, пусть от меня вином несёт как из бочки, всё равно собакам будет не сыскать. И следы к утру все смоет. Да и голосов за шумом ливня не слышать...

Трусцой, припадая на битую ногу, доковыляла до задней двери кухни, приоткрыла, прислушалась. Вроде никого. Хотя чего удивляться? Если меня нет, так выходит, что сейчас подносы в общий зал носит Уна. И Марка там же. Открыв створку шире, юркнула под стол. И на четвереньках двинулась к противоположному выходу, ведущему в коридор. Теперь закуток под лестницей был почти рядом. Я уже хотела распахнуть дверь, когда в коридоре послышались шаги. И еле-еле снова успела шмыгнуть под стол, прежде чем появилась тётка Марка. Сердитая, громко топающая. Я со своего места видела только юбку да ноги.

– Сейчас принесу, не торопи! Совсем загоняли!

Выходит, тут ещё не знают, чего я натворила. Но времени совсем в обрез...

Дождавшись, пока Марка нагрузит поднос и уйдёт, бросилась к себе. Схватила мешок, плащ, стоявшие у стенки сапоги, развернулась – и столкнулась нос к носу с Уной.

Та посмотрела на мою заляпанную красным юбку, на растрёпанную голову, выпучила глаза и взвыла в голос: «Ала, Алика, птица малая!...»

Оттолкнув Уну, кинулась со всех ног через кухню к двери на улицу. Хотелось бы хоть хлеба прихватить, но теперь не выйдет – сейчас на этот ор полдома сбежится.

Захлопнув наружную дверь, снова метнулась под телегу. И правильно сделала – из конюшни во двор вышел Долгар. Вряд ли он на моей стороне? Был бы – давно бы предупредил или как ещё помог. Долго он стоять-то собирается? Дождь же, чего торчит, мокнет? Подставил под капли ладонь, запрокинул лицо... Чего ждёт? Мне ж мимо него в калитку не пройти.

Я уже почти решилась попытаться обогнуть конюшню, чтобы попробовать под её прикрытием перелезть через забор, когда от флигеля наконец слышались крики. Долгар настояжился – и зашагал в темноту. А я, подождав чуток, заторопилась к калитке.

Вывалилась на улицу, пересекла дорогу и нырнула в бурьян на обочине. Сейчас надо переобуться да переодеться. А пока буду сапоги натягивать, подумаю, куда дальше бежать...

Глава 5

Кто сам колет себе дрова – тот согреется ими дважды.

Г. Форд

Я третий день шла по лесу на север. Потому что на восток – это назад. А на западе меня наверняка искать станут – я ж всем разболтала, что туда иду. Вот и выходило, что деваться особо некуда, только брести по палым листьям под морозящим дождём и надеяться, что наткнусь на дорогу или на жильё. Что мне те серебрушки на шее? Их не съешь. А в мешке – какая же я дура! – за два месяца в Сайрагане не добавилось ни крошки. Наоборот, часть орехов заплесневела, не дозрев, и пришлось их выкинуть. И собирать в лесу сейчас было уже почти нечего. Да ещё погода испортилась...

Получалось, что сейчас моё положение хуже, чем пару месяцев назад. Но кто ж знал, что так выйдет?

Но я, я – какой слепой душой я была! Выходило, что изначально меня взяли на роль новой девки для местного лорда, чтобы расплатиться нетронутым телом вместо годового налога за трактир. Может, та Алика и умерла после такой ночи. И – прозрение стрельнуло молнией – Уна наверняка тоже побывала во флигеле. Оттого и помешалась. Я её понимала – мне досталось совсем немного, но перепугалась я вусмерть, а укус на шее распух и ныл до сих пор. Бешеный этот лорд какой-то...

И, выходит, что и Варек, и Иргай, и Марка, ограждавшие меня от лапанья приезжими мужиками, делали это не потому, что защищали, а просто я им была нужна непорченной. А говорить ни с кем не позволяли, чтобы случайно не прослышала, что тут девки как мухи дохнут. Тогда и лесные гоблины, наверно, сказка, чтоб одна дальше идти не вздумала.

Отчего-то мелькнула мысль, что Коржик тоже обо всём знал... но отвёл меня в трактир и получил за это монету. Не зря он мне ничего толкового не рассказывал.

Значит, верить никому нельзя. Если ты чужая, то будто и не человек вовсе...

Наверное, пора мне загигать на запад. А то прибреду к Тихому озеру, к коркодилам. Ну, хоть кто-то мне искренне обрадуется!

На пятый день мне повезло. Я буквально уткнулась носом в толстую берёзу, густо обросшую осенними опятами. Да тут две корзины настричь можно, причём грибы были хорошими, шляпки свежие, не с бурыми или чёрными, а с розовато-коричневыми пластинками, затянутыми понизу белой плёнкой. Развела костёр, повесила над ним свой чайник и решила, что наварю грибов, сколько получится. Соль у меня есть. Наемся до отвала, а остальное с собой прихвачу. Так и до людей дотяну...

Ещё через день я вышла к небольшой деревеньке, где сумела за небольшую помощь одинокой вдовице – принесла воды да наколола дров – получить горбушку хлеба и солёный огурец. Но больше всего меня порадовало то, что, когда я помянула в разговоре лорда Асарана, оказалось, что хозяйка о таком никогда не слышала. Принадлежал Гусиный Пень, как называлась деревенька, какому-то лорду Ярсину. А впереди, в двух днях пути на запад, лежал город Гифара. Я о таком тоже узнала впервые и могла лишь приблизительно представлять, куда забрела. Но город – это именно то, что мне нужно.

Закончилось тем, что хозяйка меня пожалела и позволила остаться ночевать на сеновале над хлевом, где стояли корова и две овцы, с уговором, что с утра я поколю ещё дров и слазаю на крышу, залатаю доской прореху. Я согласилась. Как тяжело одной, когда в доме мужика нет, сама знала не понаслышке.

Первый раз за последнюю неделю, с тех пор, как пустилась в бега, я ночевала не под открытым небом. Мой плащ, пока колола дрова, высох у печки, и сейчас под ним было уютно и тепло. Снаружи продолжал моросить дождь, а я лежала на сене и думала...

Выходило, что я теперь – преступница. Потому как ранила лорда, да ещё и обокрала, – кинжал так с собой и унесла. А он, похоже, дорогуший. Что со мной сделают, если пойду с повинной? Ох, не знаю. Наверное, посадят в тюрьму, никак не меньше. А если стану оправдываться, что он насильничать хотел, так ещё могут сказать, что оклеветала благородного человека. Что значит моё слово против лордова, Варека и Марки? Да ничего, пустой звук... То есть в те места возвращаться никак нельзя. Хотя я и не собиралась. Мне в город, мага искать...

С этим и уснула.

Пробыла я у тётки Марфёны три дня, пока не закончился дождь. Помогла залатать прохудившуюся крышу, поправить завалившийся плетень, даже сумела постричь овец. Потом вместе разобрали шерсть.

Пока работали, вели беседу. Я и сама не думала, что буду так рада человеческому разговору. Может, потому и разоткровенничалась.

– Ты девка рукодельная, как же вышло, что одна-одинёшенька на дороге оказалась?

– У меня бабушка умерла, а другой кровной родни нет. И приданого нет. А отчим решил меня выдать за старика, который уже двух жён в могилу загнал.

– Ой, беда-беда. Но разве одной лучше?

Я пожалала плечами. Останься я в Красных Соснах, уже месяц была бы Гаровой женой. Как бы мне жилось, думать было страшно. Только, похоже, таких, как Гар, на свете пруд пруди. Даже лорд ничем не лучше оказался, даром что в золоте да шелках.

– Так хоть жива пока...

– И то правда.

Напоследок Марфёна дала мне узелок варёной картошки и хороший совет. Чтобы, как дойду до города, шла напрямик в храм. Там и переночевать можно, и храмовники знают, кому в округе рабочие руки али прислуга нужны. Может, и для меня что найдётся.

– Прости, деточка, оставить тебя на зиму не могу. Мне одной бы продержаться...

Я понимала.

* * *

Городская стена была видна издалека. Понизу каменная, наверху – деревянная. Снаружи – вдоль дороги – лепились домишки. Подойдя ближе, остановилась, пытаюсь понять, как люди проходят в Гифару и сколько с них за это берут.

Наконец, решившись, окликнула пожилого дядьку, едущего из города на пустой телеге:

– Дяденька, а сколько вход в ворота стоит?

– Смотря зачем пришла.

Ой!

– Это как?

– Тпрууу... – натянул мужик вожжи, заставляя притормозить гнедую кобылу. – Если торговать, али покупать, али на работу хочешь устроиться – то серебрушка. Ежели конный – верхом или на телеге – тоже всегда серебрушка. А кто идёт к лекарю или в храм – тогда половинка.

– Спасибо, дяденька!

Почесала нос. И как быть? Я хочу на работу, но не знаю, найду ли её тут. А в храм пойду точно. И денег у меня мало. Выходит, будет не таким уж лукавством заплатить половинку.

Только у меня все монетки – целые. А ежели отдам целую, неужто мне стража что-то возвернёт? Это вряд ли. Значит, надо деньги разменять. А где?

Медленно двинулась вперёд, озираясь по сторонам. Пока шла, сунула руку за пазуху, запустила пальцы в свой мешочек, нащупала одну монету, вытянула и крепко зажала в кулаке. Вот так. Всё, что есть, никому не покажу!

Сперва я думала, что из моей затеи ничего не выйдет. А потом углядела, что чуть в стороне от дороги сгрудились телеги и полотняные палатки. Похоже, здесь останавливались те, кто не хотел платить за въезд в Гифару. Может, тут торгуют чем-нибудь дешёвым и даже мне нужным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.